

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

CU60549521

BX599 .B37 1869g Russkii prostonarodn

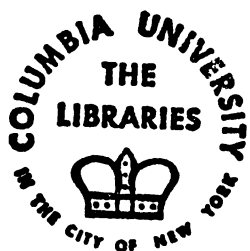
Q

RUSKII

ButlStax

BX
599
.B37
1869g

C.1

Варсов
РУССКІЙ Russkii

ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ

СООБЩЕНИЕ,

ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

13 мая 1869 г.

Николаемъ Барсовымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ.
Литейный проспектъ, № 39.

1869

Вид Стах

BX

599

.B37

1869g

с. 1

5200051

Отъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 26 сентября 1869 г.

Цензоръ *архимандритъ Геласій.*

5CS 91/06/13 5100051

РУССКІЙ ПРОСТОНАРОДНЫЙ МИСТИЦИЗМЪ.

(СООБЩЕНІЕ, ЧИТАННОЕ ВЪ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМЪ ОТДѢЛЕНІИ ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, 13-го МАЯ 1869 г.)

Мм. гг. Литература отечественной этнографіи недавно обогатилась двумя капитальными пріобрѣтеніями. Я разумѣю изданную въ началѣ настоящаго года въ Казани профессоромъ церковной исторіи въ тамошнемъ университетѣ г. Добротворскимъ монографію: „Люди Божіи, русская секта такъ называемыхъ духовныхъ христіанъ“ и двѣ статьи г. Мельникова въ „Русскомъ Вѣстникѣ“: „Тайныя секты“ и „Бѣлые голуби“. Книга г. Добротворскаго и статьи Мельникова посвящены одному и тому же предмету — изслѣдованію исторіи, ученія и обрядовъ секты, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Хлыстовщины и болѣе точно названной г. Добротворскимъ „Людьми Божьими“ — именемъ, которое усвоаетъ себѣ въ своихъ пѣсняхъ сама секта. Но, не смотря на замѣчательное обиліе свѣдѣній, сообщаемыхъ двумя почтенными изслѣдователями, нельзя сказать, чтобы этотъ важный и интересный предметъ былъ исчерпанъ ими вполне, такъ, чтобы наукѣ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только подвести итогъ и сдѣлать окончательныя заклю-

ченія о сектѣ. Вотъ почему, мм. гг., я испросилъ у васъ позволеніе обратить ваше вниманіе на собранные мною новыя матеріалы, относящіяся къ тому-же предмету, которому посвящали свои труды гг. Добротворскій и Мельниковъ. Съ давнихъ поръ занимаясь съ особеннымъ вниманіемъ изученіемъ русскихъ сектъ, я имѣлъ возможность, между прочимъ, изъ разныхъ источниковъ, преимущественно въ г. Липецкѣ (лѣтомъ 1868 г.) собрать 145 пѣсень секты Людей Божіихъ, отчасти историческихъ и догматическихъ, отчасти — обрядоваго и смѣшаннаго содержанія ⁽¹⁾.

Отвергая богослуженіе Церкви и находя ея пѣснопѣнія недостаточными для своихъ радѣній, сектанты учатъ, что нужно Господеви воспѣвать всегда пѣснь нову. На практикѣ, конечно, этотъ принципъ строго не выдерживается сектантами; есть много церковныхъ пѣснопѣній, употребляемыхъ и хлыстами: это тѣ пѣсни, которыя хлысты находятъ возможнымъ истолковать въ смыслѣ своего ученія (преимущественно пѣсни церковныхъ каноновъ). Нѣкоторые хлыстовскія пѣсни представляютъ текстъ пѣсень православныхъ въ извращенномъ и испорченномъ видѣ, или въ стихотворномъ переложеніи, какъ напр.:

Бога человѣкомъ
Видѣть не возможно;
На него не смѣютъ
Ангелы взирати. И т. д.

Но тѣмъ не менѣе, въ силу указаннаго принципа, хлыстовскіе пророки и пророчицы на радѣніяхъ болѣею частію считаютъ себя обязанными, по крайнему своему разумѣнію, импровизировать каждый разъ новыя

⁽¹⁾ Изъ числа ихъ 36 пѣсень представляютъ болѣе полныя варианты пѣсень, уже напечатанныхъ прежде въ разныхъ изданіяхъ.

гимны и пророчества. Здѣсь источникъ необычайного обилія хлыстовскихъ пѣсенъ. Въ литературномъ отношеніи, въ отношеніи своего грамматическаго и стихотворнаго склада, пѣсни хлыстовъ имѣютъ не одинаковое достоинство, хотя всѣ непремѣнно выражаютъ хлыстовское ученіе въ примѣненіи къ частнымъ обстоятельствамъ цѣлой секты или одного корабля. Неудачно составленныя, будучи разъ пропѣты, забываются, лучшія же записываются желающими, усваиваются другими кораблями и получаютъ въ сектѣ такъ сказать классическое значеніе.

Какъ велико число этихъ пѣсенъ, можно судить по тому, что не смотря на то, что эти пѣсни, какъ и самое ученіе хлыстовъ содержатся сектантами въ строгой тайнѣ, что онѣ становятся достояніемъ изслѣдователей лишь случайно или съ чрезвычайными усиліями, что собираніемъ этихъ пѣсенъ, какъ и изслѣдованіемъ самой секты стали заниматься весьма недавно, — кромѣ собранныхъ мною 145 пѣсенъ, мы имѣемъ еще больше 50-ти пѣсенъ, собранныхъ покойнымъ Н. И. Надеждинымъ (въ приложеніи къ его „Изслѣдованію о скопческой ереси“), 85 пѣсенъ, собранныхъ г. Доброворскимъ (изъ нихъ впрочемъ около 20 пѣсенъ — тѣже, что и у Надеждина) (1), да въ разныхъ мелкихъ статьяхъ о скопцествѣ и хлыстовщинѣ можно насчитать до 40 пѣсенъ (въ статьѣ Крыжина—въ Вѣстникѣ Географ. Общества, въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и пр.).

Пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ двойной интересъ: историко-литературный, какъ памятники

(1) Именно пѣсни: 5-я (у Кел. 25-я), 6-я (—1-я), 7-я (—2-я), 8-я (—3-я), 15-я (—4-я), 16-я (11-я), 19-я (26-я), 24-я (—27-я), 25-я (9-я), 32-я (13-я), 35-я (6-я), 39-я (10-я), 42-я (5-я), 43-я (8-я), 45-я (20-я), 68-я (12-я), 80-я (30-я).

устной народной словесности, поэтического народного творчества, и — историко-культурный, какъ матеріалъ для характеристики одного изъ наиболее распространенныхъ видовъ русскаго религіознаго разномыслія, какъ болѣе или менѣе значительный фактъ духовной самобытности и умственной самодѣтельности русскаго простолюдина. Какъ произведенія поэтическаго творчества эти пѣсни, мнѣ кажется, должны быть поставлены отнюдь не ниже, если не выше нашихъ духовныхъ стиховъ и легендъ, къ которымъ онѣ непосредственно примыкаютъ по своему религіозному характеру и отъ которыхъ отличаются лишь болѣею самобытностію въ замыслѣ, своеобразіемъ основнаго мотива и внѣшняго построения. Въ большинствѣ ихъ замѣчается искусное соединеніе мысли и образа, глубокое лирическое чувство, доходящее по временамъ до восторженности, живонисность образовъ и стройность картинъ. Во второмъ отношеніи—какъ матеріалъ для характеристики секты, ея ученія и обрядовъ, ея внутренняго быта—пѣсни хлыстовъ, по моему мнѣнію, имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ тѣ показанія уличенныхъ въ хлыстовствѣ крестьянъ, какія записаны слѣдователями и затѣмъ изъ министерскихъ архивовъ попадаютъ въ руки изслѣдователей. Если въ этихъ послѣднихъ вѣрованія хлыстовъ излагаются съ документальною ясностію и опредѣлительностію, то въ пѣсняхъ они представляются намъ съ болѣею полнотою, рельефностію и, главное, съ болѣею вѣрностію. Что касается до такихъ матеріаловъ, какъ письма Радаева, которые послужили главнымъ источникомъ для изслѣдованія г. Добротворскаго, то можно опасаться, что въ нихъ содержится не столько ученіе цѣлой секты, сколько личные понятія о предме-

тахъ вѣры—самаго арзамасскаго пророка: тогда нашъ пѣсни хлыстовъ, распѣваемые повсемѣстно въ хлыстовскихъ норабляхъ съ давнихъ поръ, содержатъ въ себѣ несомнѣнно ученіе пѣлкой секты.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, представляя собранія мною пѣсни въ распоряженіе отдѣленія этнографіи, для котораго изученіе памятниковъ самобытной народной культуры, народного русскаго творчества составляетъ прямую задачу, я полагаю бы полезнымъ напечатать ихъ въ одномъ изъ изданій общества, предварительно обработавъ ихъ для изданія въ томъ видѣ, въ какомъ вообще принято издавать памятники народной словесности, какъ это дѣлаютъ г.г. Безсоновъ и Рыбниковъ при изданіи былинъ и духовныхъ стиховъ, Афанасьевъ—при изданіи сказокъ: раздѣлить ихъ на группы, примѣнительно къ характеру ихъ содержанія, сдѣлать сводные тексты нѣкоторыхъ болѣе распространенныхъ пѣсенъ, имѣющихся въ нѣсколькихъ редакціяхъ, снабдить каждую пѣсню необходимыми комментаріями, какъ дѣлаетъ г. Добротворскій въ своей книгѣ, наконецъ всему изданію предпослать этюдъ объ этихъ пѣсняхъ, о степени художественнаго ихъ достоинства, и, пожалуй, составить къ нимъ словарь, такъ какъ языкъ ихъ постоянно метафорическій, своеобразный, подобный языку оленей, и почти каждое обыкновенное слово имѣетъ въ нихъ свой особенный аллегорическій смыслъ.

Въ настоящемъ случаѣ я имѣю въ виду предложить, вмѣстѣ съ критическими замѣчаніями о трудахъ г.г. Добротворскаго и Мельникова, нѣсколько доподнительныхъ свѣдѣній и общихъ соображеній о сектѣ Людей Божіихъ, на основаніи собранныхъ мною пѣсенъ, а также другихъ матеріаловъ, рукописныхъ и печатныхъ, которыми

не воспользовались ни Добротворскій, ни Мельниковъ: между первыми особеннаго вниманія заслуживаетъ обширная записка калужскаго священника Сергѣева „О расколѣ, именуемомъ Христовщина“, представленная въ 1809 г. въ Святѣйшій Синодъ и обращающаяся въ рукописи между специалистами; между вторыми—VIII-й томъ Исторіи министерства внутр. дѣлъ, составленной г. Варадиновымъ, въ которомъ между многими другими свѣдѣніями помѣщена записка крестьянина Андреянова о скопцахъ, представленная авторомъ Императору Александру Павловичу въ Таганрогѣ въ 1825 году, и томъ—Тульскія Епархіальныя Вѣдомости за 1867 годъ, гдѣ помѣщена замѣчательная исповѣдь обратившагося хлыста. Кстати позволяю себѣ здѣсь замѣтить, что епархіальныя наши вѣдомости несправедливо игнорируются нашей ученой литературой: матеріала этнографическаго, археологическаго и статистическаго онѣ представляютъ гораздо больше, чѣмъ вѣдомости губерскія..

I.

Состоя бакалавромъ по расколу въ Казанской духовной академіи, г. Добротворскій, какъ онъ объясняетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, особенно занимался изученіемъ такъ называемыхъ духовныхъ русскихъ сектъ, и настоящее его изслѣдованіе есть плодъ шестилѣтнихъ его трудовъ по этому предмету. Большая часть изданной теперь книги, въ видѣ отдѣльныхъ статей, была напечатана еще въ 1858 и 1860 годахъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“, издающемся при Казанской д. академіи. Теперь авторъ лишь собралъ эти статьи въ одно цѣлое, присоединилъ новую главу о пѣсняхъ хлыс-

товъ и скопцовъ и напечатавъ самыя грѣсни въ числѣ 85-ти. Автору удалось воспользоваться матеріалами доступными далеко не всякому. Это — 1) Двѣ обширныя рукописныя монографіи о сектѣ, принадлежавшія извѣстному своею миссіонерскою противораскольническою дѣятельностію, покойному нижегородскому архіепископу Іакову, составляющія, по всей вѣроятности, систематическій сводъ изъ тѣхъ подробныхъ отчетовъ и секретныхъ дознаній о сектѣ, какія представляемы были, преосвященному подвѣдомственными ему приходскими священниками и миссіонерами. 2) Рукописи библіотеки Соловецкаго монастыря, принадлежащей въ настоящее время Казанской академіи (напечатавшей по этимъ рукописямъ столько замѣчательныхъ памятниковъ древней русской литературы въ своемъ „Православномъ собесѣдникѣ“). Въ Соловецкій монастырь, какъ извѣстно, хлысты и скопцы, со дня своего оффиціального обнаруженія и до послѣдняго времени, были ссылаемы на жительство и здѣсь, допрашиваемые, дѣлали обстоятельныя письменныя изложенія вѣрованій и обрядовъ своей секты. Изъ этихъ ихъ показаній соловецкій архимандритъ Досіеѣй еще въ 30-хъ годахъ составилъ свою монографію о скопцахъ (существующую доселе въ рукописи), которою, въ свою очередь, воспользовался Надеждинъ въ извѣстномъ своемъ „изслѣдованіи о скопческой ереси“. 3) Дѣла нижегородской и казанской духовныхъ консисторій, въ архивахъ которыхъ, вслѣдствіе ли особеннаго развитія сектанства въ предѣлахъ этихъ епархій, или въ слѣдствіе какихъ другихъ обстоятельствъ, оказались особенно обстоятельныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ. 4) Письма крестьянина Радаева, пророка арзамаскаго корабля людей Божіихъ, который

13

въ этихъ письмахъ является для сенты тѣмъ же, чѣмъ былъ авторъ „Поморскихъ отвѣтовъ“ — Денисовъ для безпоповщинскаго раскола: „ученымъ“ истолкователемъ вѣрованій сенты и систематизаторомъ ея ученія. 5) Наконецъ слушатели г. Добротворскаго, студенты Казанской академіи, по выходѣ изъ академіи, сдѣлавшись учителями семинарій казанскаго духовно-учебнаго округа, въ предѣлахъ котораго особенно процвѣтаетъ въ настоящее время секта людей Божіихъ, изъ мѣстъ своей службы присылали г. Добротворскому собранныя ими лично или, можетъ быть, какъ это иногда бываетъ, чрезъ своихъ учениковъ-семинаристовъ, пѣсни людей Божіихъ и скопцовъ, изъ которыхъ г. Добротворскій напечаталъ 85 пѣсенъ. Такое обиліе и такихъ важныхъ матеріаловъ заинтересовываетъ насъ въ пользу труда почтеннаго профессора и заставляетъ надѣяться найти въ ней важное пріобрѣтеніе для литературы этнографіи.

Но значеніе труда г. Добротворскаго возрастетъ въ нашихъ глазахъ, если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что до него въ нашей печатной литературѣ не было рѣшительно ничего, что бы сколько нибудь знакомило съ избраннымъ имъ предметомъ, что г. Добротворскому пришлось самому пролагать дорогу въ области до него, можно сказать, не початой наукою. Статьи его въ „Православ. Собесѣдникѣ“ были первымъ опытомъ гласнаго и строго-научнаго изслѣдованія о такъ называемыхъ тайныхъ русскихъ сектахъ ⁽¹⁾. Правда,

(1) Единственный печатный источникъ, на который ссылается г. Добротворскій, это небольшая статья Прав. Обозр. (1862, 8) излагающая „дѣло о квакерской ереси въ Москвѣ“, за которую принимали въ прошломъ столѣтіи хлыстовщину.

съ давникъ поръ, съ XVII еще столѣтія, во мѣрѣ того, какъ въ различныхъ мѣстностяхъ дѣлались извѣстными правительству отдѣльныя обнаруженія хлыстовщины; въ подлежащія правительственныя учрежденія представлялись донесенія епархіальныхъ и свѣтскихъ властей, составленные на основаніи показаній подсудимыхъ хлыстовъ предъ слѣдователями. Но и подсудимые сектанты, большею частію рядовые члены хлыстовскихъ общинъ, не имѣли ни достаточныхъ знаній о сектѣ, ни побужденій быть вполне искренними въ своихъ показаніяхъ; и слѣдователи, большею частію люди свѣтскіе, часто военные, были мало компетентны въ дѣлѣ религіозныхъ ученій и не могли представить свѣдѣній о сектѣ обстоятельныхъ и точныхъ, тѣмъ болѣе—сдѣлать какія либо соображенія о ея сущности и характерѣ. Да и эти неудовлетворительныя, часто противорѣчивыя, свѣдѣнія до послѣдняго времени оставались достояніемъ архивовъ, гдѣ хранились въ строгой тайнѣ, такъ какъ не признано было полезнымъ гласно обнаруживать существованіе этихъ такъ называемыхъ тайныхъ или вредныхъ сектъ. Только въ 1863 году эти оффиціальныя донесенія и отчеты резюмированы въ весьма добросовѣстно составленной, къ сожалѣнію мало распространенной, извѣстной однимъ специалистамъ, книгѣ г. Варадинова: „исторія правительственныхъ распоряженій по раскоду“ (VIII томъ исторіи министерства внутреннихъ дѣлъ) которою, впрочемъ, г. Добротворскій не могъ воспользоваться уже потому, что его сочиненіе написано раньше чѣмъ явилась книга г. Варадинова... Были двѣ-три попытки научнаго изслѣдованія секты: таковы упомянутыя выше—записка Сергѣева, изслѣдованіе архим. Досиоея и книга Надеждина; но труды Сергѣева и архим.

Досиеея вовсе не были напечатаны ⁽¹⁾, а книга Надеждина хотя и была напечатана въ 1845 г., по распоряженію бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа Перовскаго, но въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ, кажется 50-ти, и не для публики, а для высшихъ правительственныхъ лицъ. Уже въ 1861 году она была перепечатана въ Лондонѣ г. Кельсіевымъ и составила 3-й томъ его сборника статей о расколѣ... Такимъ образомъ безъ преувеличенія можно сказать, что когда въ Православномъ Собесѣдникѣ (за 1858 и 1860 годы) г. Добротворскій сталъ излагать, на основанія исчисленныхъ выше источниковъ, исторію, ученіе и обряды секты Людей Божіихъ, онъ открывалъ для насъ совершенно новый, дотогѣ невѣдомый міръ русскаго престопаго мистицизма. Имя секты, имъ изслѣдованной, до него въ печати только разъ было упомянуто— въ „Розыскѣ“ св. Димитрія Ростовскаго... Въ свое время прочитанныя съ живымъ интересомъ всѣми статьи Православнаго Собесѣдника послужили первоначальнымъ источникомъ для всѣхъ, писавшихъ или только упоминавшихъ о томъ-же предметѣ послѣ него: для гг. Максимова ⁽²⁾, Ливанова ⁽³⁾, Протопопова ⁽⁴⁾, и въ значительной мѣрѣ для самаго г. Мельникова.

Но самое важное, безъ сомнѣнія, достоинство книги г. Добротворскаго — ея научный характеръ, выражающійся какъ въ строго-научной обработкѣ того матеріа-

⁽¹⁾ Мы имѣли случай прочесть изслѣдованіе архим. Досиеея, хотя и не живемъ его подъ руками въ настоящее время. Авторъ пытался напечатать его, въ бытность свою въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ своимъ описаніемъ Соловецкаго монастыря, но попытка его не имѣла успѣха.

⁽²⁾ „За Кавказомъ“, Отеч. записки 1867 г.

⁽³⁾ „Рационализмъ русскихъ сектантовъ“, Всемирн. Трудъ 1868 г.

⁽⁴⁾ „Опытъ обзорѣнія мистическихъ сектъ въ Россіи“, Труды Кіевск. духовн. академіи 1867 г.

ла, какой былъ у него подъ руками, въ систематическомъ его изложеніи, такъ и въ томъ отношеніи, въ какое ставитъ себя авторъ къ сектѣ, въ его основномъ взглядѣ на нее. Излагая въ строгой системѣ ученіе секты съ возможною обстоятельностью и полнотою, и въ качествѣ богослова полемизируя съ нею, авторъ, однако, не глумится надъ нею, подобно г. Мельникову, не трактуетъ ее какъ простой курьезъ, какъ это дѣлаетъ въ своей книгѣ баронъ Гакстаузенъ ⁽¹⁾: уважая человѣческое убѣжденіе, хотя и ошибочное, сожалея о заблуждающихся, авторъ ученію сектантовъ противопоставляетъ обстоятельное и спокойное опроверженіе съ точки зрѣнія православнаго богословія... Оказывается, что хлысты далеко не такіе жалкіе сумасброды, какими представляютъ ихъ обыкновенно, что въ основѣ ихъ странныхъ обрядовъ лежитъ цѣлая система ученія, ложнаго конечно, но далеко не бессмысленнаго (слѣдовательно тѣмъ болѣе опаснаго), въ которомъ каждый отдѣльный пунктъ органически примыкаетъ къ цѣлому и обоснованъ на неправильно понятомъ текстѣ св. Писанія или словахъ церковныхъ пѣсенъ. Это нисколько и не удивительно, если возмемъ во вниманіе то обстоятельство, что ученіе Людей Божіихъ, хотя и содержится въ настоящее время исключительно простолюдинами, но не ими измышлено, что оно во многомъ повторяетъ ученіе еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, съ которыми боролись великіе отцы Церкви, вооружаясь всею тогдашнею эллинскою и христіанскою ученостію, что, наконецъ, въ теченіи своего по крайней мѣрѣ свыше-двухъ

(1) Etudes sur la situation interieure, la vie nationale et les institutions rurales de la Russie, par le baron Auguste de Haxthausen 1847, Hanovre, t. I, c. IX.

вѣковаго ⁽¹⁾ существованія на Руси, оно не разъ находило себѣ приютъ „въ домахъ благородныхъ и въ монастыряхъ и не страшилось становиться не разъ даже на мѣстѣ святѣ, въ лицѣ самихъ служителей алтаря Господня“ ⁽²⁾. Вообще въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго далеко оставляетъ за собою труды всѣхъ другихъ, занимавшихся изслѣдованіемъ русскихъ сектъ, не только такіе, какъ записка Сергѣева или „изслѣдованіе“ архим. Досиоея, но и труды, не лишенные научныхъ достоинствъ, какова книга г. Новицкаго „о духоборцахъ“, изданная въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и, благодаря отсутствію всякой критики, вмѣсто ожидаемой пользы, принесшая лишь вредъ (извѣстно, что она была вся раскуплена самими духоборцами: представляя систему ихъ ученія, она сдѣлалась ихъ символической книгой, своего рода катихизисомъ), и какова въ особенности упомянутая уже книга Надеждина, которая, не смотря на замѣчательную церковно-историческую эрудицію автора, чужда необходимаго научнаго безпристрастія и оказывается не столько научнымъ изслѣдованіемъ, сколько судебнымъ розыскомъ... Мы уже не говоримъ о книгѣ г. Ливанова „Раскольниковы и острожники“, расходящейся съ такою необычайною быстротою (въ одинъ годъ — два изданія): въ этихъ quasi-беллетристическихъ разсказахъ, вовсе ужъ лишенныхъ научнаго характера, составленныхъ не съ особеннымъ мастерствомъ по документамъ министерства внутр. дѣлъ, въ которомъ, какъ видно изъ предисловія, служилъ авторъ, и по печатнымъ статьямъ, о которыхъ онъ благогра-

(1) Говоримъ: свыше двухъ-вѣковаго, слѣдѣя г. Добротворскому, по которому начало секты не восходитъ ранѣе половины XVII вѣка.

(2) Слова священника Сергѣева.

зумно умалчивается—едва ли кто может найти серьезный научный интерес (¹)...

Къ сожалѣнію, въ научномъ отношеніи книга г. Добротворскаго даетъ намъ далеко не все, чего можно было бы желать отъ „изслѣдованія“, какъ авторъ называетъ свою книгу.

Какъ секта, существующая нѣсколько столѣтій, хлыстовщина имѣетъ не только внѣшнюю исторію своей общины, но и исторію внутренняго развитія, исторію ученія, слагавшагося постепенно, изъ элементовъ, какъ увидимъ, довольно разнообразныхъ, объединившихся уже въ позднѣйшее время и не образовавшихъ изъ себя системы лишь по причинѣ малаго числа образованныхъ членовъ въ сектѣ и по отсутствію чего-либо похожего на общеобязательное символическое изложеніе. Ученіе одной хлыстовской общины, при сходствѣ въ основной доктринѣ, очень часто весьма много разнится въ частностяхъ отъ ученія другой общины. При первомъ же взглядѣ на секту въ ея цѣломъ легко можно различить въ ея ученіи два составные элемента: первоначальную фабулу, идущую издалека, отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, и позднѣйшее наслоеніе, плодъ бытовыхъ условій русской жизни. Отъ *изслѣдованія* мы въ правѣ ожидать, что, не ограничиваясь послѣдовательнымъ изложеніемъ ученія въ томъ видѣ, въ какомъ оно существуетъ въ настоящее время, авторъ прослѣдитъ постепенное наростаніе хлыстовскаго ученія, начиная отъ первоначальнаго его зерна, сопоставить русскую секту съ однородными ей проявленіями мистицизма въ первые вѣка христіанства, съ совершенно—тождественными

(¹) Въ этой книгѣ напечатаны двѣ статьи относящіяся къ хлыстовщинѣ.

или, по меньшей мѣрѣ, аналогическими съ нею безчисленными сектами средневѣковой, а особенно современной западной Европы и Америки: съ этими бичующимися и пляшущими, квадерами, виртембергскими михеліанами, назарейми, іерусалимскими друзьями, однимъ словомъ со всѣми тѣми сектами, о которыхъ такіа обстоятельныя свѣдѣнія сообщаетъ Диксонъ въ своей „Новой Америкѣ“ (Спб. 1869) и въ книгѣ о духовныхъ женахъ (Спб. 1869), изслѣдуетъ генетическую связь хлыстовщины съ этими сектами, дастъ научное объясненіе появленія и развитія ея у насъ въ Россіи—изъ общечеловѣческихъ и мѣстныхъ, историческихъ и бытовыхъ, условій страны: однимъ словомъ приложить къ изслѣдованію секты Людей Божіихъ тотъ методъ, которымъ такъ удачно воспользовался г. Щаповъ по отношенію къ расколу старообрядства и который въ сочиненіяхъ этого писателя, не смотря на ихъ односторонность, далъ такіе богатые результаты ⁽¹⁾).

Къ сожалѣнію, г. Добротворскимъ въ этомъ отношеніи или ничего не сдѣлано или сдѣлано очень мало. Въ его сочиненіи секта разсматривается внѣ всякой связи ея съ социальными и историческими условіями, среди которыхъ она возникла и развивалась у насъ, такъ что представляется явленіемъ оторваннымъ отъ жизни,

⁽¹⁾ Книга г. Щапова: „Русскій расколъ старообрядства“ въ свое время критикой признана замѣчательнѣйшимъ явленіемъ русской исторической литературы (смотри напр. статью Соловьева въ Атеней (1859, № 8) „Унія, казачество и расколъ“, статьи Бестужева-Рюмина въ Отеч. Зап. (1859, №№ 5, 6 и 11) и др.). Въ позднѣйшихъ своихъ трудахъ о расколѣ, начиная съ статьи „Земство и расколъ“, г. Щаповъ имѣннѣе объективному характеру перваго своего изслѣдованія и задался тенденціей доказать исключительно политическій противогосударственный характеръ раскола, невѣрность которой мы имѣли случай доказать въ своей монографіи о Денисовыхъ (Прав. Обзор. 1865 г.).

случайнымъ, наноснымъ. Омнестическія секты Востока и Запада, съ которыми наша хлыстовщина имѣетъ несомнѣнное сродство, у г. Добротворскаго мы находимъ лишь краткое упоминаніе; генетическая связь ея съ ними не только не выяснена, но и не сказано существуетъ ли она. Авторъ распространяется, правда, о связи хлыстовщины съ масонствомъ, усиливаясь доказывать вліяніе послѣдняго на нашу секту; но съ этимъ его мнѣніемъ трудно согласиться, какъ объ этомъ мы будемъ имѣть случай сказать ниже.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ напечатанія статей г. Добротворскаго въ „Православномъ собесѣдникѣ“, явилась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, статья г. Мельникова: „Тайныя секты“, и чрезъ два мѣсяца послѣ книги г. Добротворскаго о людяхъ Божіихъ, статья: „Бѣлые голуби“ въ томъ же журналѣ ⁽¹⁾. По вопросу о рус-

(1) Мы не безъ цѣли указываемъ на время появленія статей г. Мельникова. Между двумя почтенными изслѣдователями существуетъ, по видимому, какое-то недоразумѣніе. Г. Добротворскій, въ своемъ предисловіи, рассказываетъ, что еще въ 1862 г. его сочиненіе было готово къ напечатанію и, отправляясь за границу, онъ отдалъ его для изданія одному извѣстному книгопродавцу. Возвратившись изъ-за границы онъ не только не нашелъ своей книги напечатанною, но и самая *рукопись его сочиненія оказалась затерянною*, такъ что только по уцѣлѣвшимъ черновымъ тетрадямъ ему удалось воспроизвести свое изслѣдованіе и напечатать. Съ своей стороны г. Мельниковъ объясняетъ, что всѣ тѣ матеріалы, какими воспользовался г. Добротворскій, были и въ его рукахъ и въ нѣкоторомъ родѣ составляли его авторскую собственность, что покойный митрополитъ Григорій, которому передалъ эти матеріалы министръ внутреннихъ дѣлъ, переслалъ ихъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ „отчетомъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“ въ бібліотеку Казанской духовной академіи, гдѣ ими и воспользовался г. Добротворскій. Г. Мельниковъ видитъ въ этомъ, кажется, нарушеніе своихъ авторскихъ правъ. По нашему мнѣнію претензія его едва-ли справедлива, такъ какъ онъ не доказываетъ, чтобы г. Добротворскій что-нибудь буквально заимствовалъ изъ его „отчета“.

скихъ сектахъ г. Мельниковъ долженъ по видимому считаться судьей болѣе компетентнымъ, чѣмъ кто-либо: его „писма о расколѣ“, „историческіе очерки поповщины“ его: беллетристическіе рассказы изъ раскольниковяго быта („Гриша“, „за Волгой“), а главное его дѣйствительно замѣчательный „отчетъ о состояніи раскола въ Нижегородской губерніи“, обращающійся въ рукописи между специалистами, доставили ему почетную извѣстность между изслѣдователями раскола и вообще русскаго сектанства. Благодаря своему прежнему officialному положенію, онъ имѣлъ возможность составить такую богатую колленцію матеріаловъ для изслѣдованія о сектахъ, какою едвали обладаетъ кто-либо другой. Но за всѣмъ тѣмъ справедливость требуетъ замѣтить, что послѣ книги Добротворскаго, хотя этотъ послѣдній далеко не обладалъ такимъ богатствомъ матеріаловъ, скороспѣлыя журнальныя статьи г. Мельникова о „Бѣлыхъ голубяхъ“ (тѣже „Люди Божіи“) даютъ намъ очень не многое. Авторъ очевидно не успѣлъ воспользоваться должнымъ образомъ всѣми своими матеріалами, спѣша изготовить статью, имѣвшую интересъ дня въ виду Плотицынскаго дѣла, возбудившаго въ публикѣ интересъ къ скопчеству и хлыстовщинѣ. Мы такъ думаемъ на томъ основаніи, что двумя замѣчательными записками, о которыхъ мы упомянули выше и которыя г. Мельниковъ указываетъ въ числѣ своихъ источниковъ (записки священника Сергѣева и крестьянина Андріянова: о томъ, что послѣдняя напечатана, г. Мельниковъ и не зналъ, хотя не знать книги Варадинова грѣшно такому специалисту по расколу, какъ г. Мельниковъ), онъ воспользовался въ самой незначительной степени. При всемъ обиліи матеріаловъ рукописныхъ,

авторъ, оказываятъ предпочтительное вниманіе источникамъ печатнымъ. Тамъ, говоря о скопчествахъ вообще и касаясь его исторію, онъ эксплуатируетъ книгу Надеждина ни сколько не меньше, чѣмъ это дѣлали наши газетные публицисты (въ статьяхъ о скопчествахъ по поводу Плотининскаго дѣла), щедрѣе надеждиной ученостію и выписывавшіе на столбцы газетъ греческіе и латинскіе цитаты, безъ малѣйшаго упоминанія объ источникахъ своей учености. Разсказъ о послѣднемъ хлыстовскомъ христвѣ Копыловѣ и о тамбовскихъ хлыстахъ онъ заимствуетъ изъ Тамбовскихъ епархіальныхъ вѣдомостей; пѣсни хлыстовъ, приводимыя имъ, перепечатаны изъ Тульскихъ епархіальныхъ вѣдомостей и т. д. Но чего особенно не достаетъ статьямъ г. Мельникова, это — научнаго характера: его нѣтъ ни во взглядѣ автора на секту, ни въ изложеніи ея исторіи и ученія. Для г. Мельникова секта, надъ ученіемъ и странными обрядами которой нельзя не задуматься, по видимому составляетъ не болѣе, какъ простой курьезъ, предметъ скорѣе празднаго любопытства, чѣмъ научной любознательности; тонъ статей анекдотическій — по мѣстамъ шуточный, иногда скабрёзный ('). Точка зрѣнія автора на предметъ не научная, а публицистическая. Хотя секту далеко нельзя еще считать окончательно выясненною и хотя г. Липранди, не менѣе г. Мельникова

(') Таково, напр., разсказъ г. Мельникова объ одномъ изъ хлыстовскихъ христовъ, Андрей Петровъ (Рус. Вѣст. 1869 г. мартъ, 392). Замѣтимъ, что въ курсахъ всеоб. исторіи, существующихъ у насъ, и обыкновенно цѣлкомъ пересаживающихъ на русскую почву западныя историческія воззрѣнія (въ этомъ отношеніи самостоятеленъ только Хомяковъ въ своихъ „Запискахъ по всеоб. исторіи“) о западныхъ мистикахъ-масонахъ, квакерахъ и пр., вездѣ говорится серьезно, научно, до нѣкоторой степени уважительно; только въ отношеніи къ русскимъ сектамъ не находятъ нужнымъ прилагать обычныя историческія приемы...

компетентный по вопросу о сектах, находить (въ за-
мѣткахъ о сектахъ, по поводу Пятидесятнаго двѣа, въ
„Голосѣ“), что даже секта сектцовъ вовсе чужда поли-
тического, противогосударственнаго значенія, — г. Мель-
никовъ, съ точки зрѣнія государственнаго благоустрой-
ства настаиваетъ на преслѣдованіи хлыстовъ. Изложе-
ніе ученія сектантовъ въ статьяхъ г. Мельникова ли-
шено всякой системы. „Обозрѣніе мое не стройно, въ
немъ встрѣтятся противорѣчія“, сознается самъ г. Мель-
никовъ и оправдывается тѣмъ, что „не смѣлъ для
стройности изложенія и извѣжанія противорѣчій переи-
начить что-либо“, какъ будто для того, чтобы излагать
предметъ стройно, необходимо переиначивать! То онъ
утверждаетъ, (и совершенно справедливо) что хлысты
даютъ страшныя клятвы никому не открывать тайнъ
своей секты и скорѣе тѣло свое готовы отдать на
раздробленіе, чѣмъ постороннему человеку сообщить
что-нибудь слышанное и видѣнное въ кораблѣ“ (стр.
332); то утверждаетъ, что хлыстъ бываетъ „довольно от-
кровененъ“ (стр. 333). То онъ сближаетъ хлыстовщину
съ квакерствомъ (и не безъ основанія) и рассказываетъ,
какъ англійскіе квакеры, пріѣзжавшіе отъ времени до
времени въ Россію, съ нарочитою цѣлію познакомиться
съ хлыстовщиной, посѣщая хлыстовскія радѣнія, нахо-
дили въ нашихъ сектантахъ своихъ братьевъ; то рѣзко
разграничиваетъ одно отъ другаго: квакеры-де-люди
образованные; ученіе ихъ изложено систематически,
формулировано научно, а наша „доморощенная“ хлыстов-
щина содержится безграмотными мужиками; и въ тоже
время, нѣсколько позже, перечисляетъ многочисленныя
примѣры принадлежности къ сектѣ лицъ духовнаго сана
и высокообразованныхъ особъ изъ высшаго свѣтскаго

13

общества, г. Татаринову, семейство Букотинцевъ, князя А. И. Голицына, тайнаго совѣтника Попова, генерала Головина, князя Энгельстева, камергера Елагинскаго, помѣщика Дубовицкаго, г.г. Родіонова, Кошелева, Пилецкаго и другихъ... О пѣсняхъ хлыстовъ, въ которыхъ г. Добротворскій весьма справедливо видитъ „замѣчательныя произведенія народной поэзіи“ (51 стр.), „нерѣдко возвышенной и обольстительной, особенно для простолюдиновъ“ (стр. 102), — г. Мельниковъ отзывается весьма неблагоприятно: они отличаются, по его мнѣнію, бессмыслицей, хотя и не лишены печати какаго-то дикаго поэтическаго вдохновенія. Наконецъ къ числу ошибочныхъ мнѣній г. Мельникова относится и то, что онъ совершенно отождествляетъ хлыстовъ съ скопцами: хотя скопчество выросло на хлыстовской почвѣ и хотя образы и нѣкоторые пункты ученія совершенно сходны у обоихъ сектъ (почему хлысты позволяютъ скопцамъ присутствовать при своихъ радѣньяхъ и наоборотъ — что и ввело г. Мельникова въ заблужденіе), тѣмъ не менѣе хлысты отнюдь не скопцы... Не смотря, впрочемъ, на всѣ свои недостатки, статьи г. Мельникова изобилуютъ фактическими подробностями, значительно восполняютъ во многихъ случаяхъ книгу г. Добротворскаго и въ этомъ смыслѣ не лишены своего значенія. Г. Мельниковъ, по нашему мнѣнію, сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы, вмѣсто того, чтобы сочинять на скорую руку свои компіляціи изъ драгоценныхъ матеріаловъ, какими онъ располагаетъ, напечаталъ бы эти самые матеріалы, въ ихъ полномъ составѣ, хоть въ „Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей“, гдѣ уже не мало помѣщено подобныхъ матеріаловъ г. Липранди и другими. Если почтенная редація этого изданія наша возмож-

нымъ надпечатать въ немъ „Страды, подпаво искупителя“, то едва ли бы она затрудилилась помѣстить въ немъ письма Радаева или „объясненіе“ Ивана Кудимова.

II.

Переходимъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ о сектѣ, какія сообщаютъ въ своихъ запискахъ Сергѣевъ и крестьянинъ Андреевъ. „Свойства сей секты удивительны, говоритъ Сергѣевъ, она есть необыкновенная и отличная отъ всѣхъ породившихся въ российской Церкви расколовъ... Она изъ всѣхъ ересей заимствуетъ и ни съ одной (въ цѣломъ) не согласуется“. Дѣйствительно ученіе секты въ томъ видѣ, какъ излагаетъ его Сергѣевъ, представляетъ элементы самыхъ разнообразныхъ ученій, начиная отъ гностическихъ ересей первыхъ вѣковъ христіанства до позднѣйшаго квакерства и ирингיאнизма.

— Первый вопросъ, съ которымъ мы встрѣчаемся при изученіи хлыстовской догматики, это вопросъ о томъ, что такое по понятіямъ сектантовъ ихъ христы; Су-словъ, Лупининъ, Петровъ и другіе? Для того, чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно знать взгляды сектантовъ на Божественнаго Основателя христіанства, Господа Іисуса Христа, лежащій въ основѣ всего ихъ догматическаго ученія. По словамъ Сергѣева наши сектанты „не признаютъ того, что Іисусъ Христосъ, совокупивъ въ особѣ своей оба естества, Божеское и человеческое, въ самомъ дѣлѣ принялъ на себя содѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи плоть нашу и благоизволилъ родиться изъ нея истинно, яко совершенный младенецъ, во всемъ, кромѣ грѣха, съ другими людьми соестественный“; они учатъ, что *Сынъ Бо-*

скій, второе Лице Святой Троицы, сошедши на землю „Духомъ Своимъ Святымъ вселился *въ чуждую душу и плоть прежде зачатую и рожденную* по общимъ законамъ природы человѣка“ Иисуса Назарей, — вселился на тридцатомъ году его жизни, „ради безпорочности его жизни, чистоты сердца и святости дѣлъ“. Съ этого времени человѣкъ Иисусъ Назорей сталъ *Христомъ*, т. е. помазанникомъ, по причинѣ духовнаго помазанія, сообщеннаго ему Духомъ Святымъ, т. е. чрезвычайнаго дара ученія и пророчества. „И такъ, продолжаетъ священникъ Сергѣевъ, у нихъ Иисусъ Христосъ есть не больше, какъ первоначальный учитель, Сынъ Божій не по естеству, а по благодати, причастію и вселенію въ Него Духа Святаго“. Таковъ взглядъ нашихъ сектантовъ на Иисуса Христа, или „старого Христа“, какъ они выражаются. Нельзя не видѣть, если не тождества, то близкаго родства такого взгляда съ ученіемъ многихъ еретиковъ первыхъ вѣковъ христіанства...

Но то, чего удостоился Иисусъ Назарей, продолжаютъ сектанты, можетъ быть приобрѣтено и другими людьми. Иисусъ Назорей сдѣлался Христомъ, въ него благодатно вселился Сынъ Божій, второе Лицо Святой Троицы—единственно ради его естественной святости и чистоты жизни; но нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, чтобы и другой кто-либо изъ людей достигалъ той же степени нравственной чистоты, какой достигъ родившійся отъ Іосифа и Маріи; слѣдовательно и другіе люди могутъ удостоиваться благодатнаго вселенія въ нихъ Сына Божія — дѣлаться христами. Вселюся *въ нихъ* и пожду, а не *въ менѣ*, сказано въ писаніи, говорятъ хлысты. Кто заповѣди мои сохраняетъ, тотъ во Мнѣ пребываетъ и Азъ *въ немъ*, сказалъ Сынъ Божій, ус-

тами „старого“ Христа, — и Отецъ Мой возлюбилъ его, и къ нему придемъ и обитель у него созидаемъ. Такимъ образомъ, говорятъ хлысты, извращая смыслъ словъ Спасителя, Христосъ, очевидно, не единственный; отъ времени до времени христы могутъ „отрываться“ въ миръ снова, по мѣрѣ надобности, т. е. по мѣрѣ упадка въ миръ „чистоты“ и благочестія и по усердной, нарочитой молитвѣ „умныхъ людей“, т. е. сектантовъ. Потому-то хлысты и молятся постоянно на своихъ радѣнїяхъ:

«Дай намъ, Господи, Иисуса Христа,
Дай намъ, сударь, сына Вожьего!
И помилуй, сударь, насъ...
Пресвятая мать Божїя!
Упроси, свѣтъ объ насъ,
Свѣта—сына твоего...
Безъ тебя, нашъ свѣтъ,
Много грѣшныхъ на землѣ,
На сырой землѣ на матушкѣ,
На сударинѣ, на кормилицѣ!

Эта молитва составляетъ непремѣнную принадлежность каждаго хлыстовскаго радѣнья, и смыслъ ея совершенно понятель послѣ того, что мы только что сказали. Хлысты молятся собственно о томъ, якобы Христосъ *открылся*, т. е. явленъ стагъ своимъ дѣтушкамъ; невидимо то или, точнѣе, незнаемо для нихъ онъ всегда пребываетъ съ ними „переселяясь духомъ своимъ изъ одного человѣка, по смерти его, въ другого, и будетъ съ ними по обитованію стараго Христа до скончанїя вѣка“. Основаніе для этого послѣдняго своего мнѣнія о непрерывномъ, невидимомъ пребываніи въ ихъ обществѣ христовъ, хлысты видятъ въ томъ, что волхвы, пришедшіе поклониться рожденному Спасителю міра, спрашивали: гдѣ Христосъ *рождается*, а не гдѣ родился. Да и въ церковной пѣсни поется: Христосъ *рож-*

дается, славите. Значить, говорят сектанты, Христосъ не одинъ разъ родился, а постоянно рождается, и христы постоянно являются и существуютъ въ мірѣ. (1) Христовъ „открывшихся“ или „изобрѣтенныхъ“ доселѣ было въ мірѣ, по понятіямъ сектантовъ, шесть (по другимъ—семь): Аверьянъ (при Димитріѣ Донскомъ: о немъ есть хлыстовская пѣсня)“, Иванъ Емельяновъ (открывшійся и замученный, по словамъ другой хлыстовской пѣсни, при Грозномъ, котораго будто бы обличалъ за жестокость), Сусловъ, Лупкинъ, Петровъ и государь Петръ Ѳеодоровичъ, въ лицѣ котораго, по словамъ хлыстовъ „открылся Вышній на престолѣ суда“ (тамбовскіе хлысты седьмымъ христомъ считаютъ крестьянина Аввакума Копылова). „Изобрѣтенный“ или „открывшійся“ Христосъ, по словамъ сектантовъ, повторяетъ въ своей жизни и дѣятельности всю исторію земной жизни Христа Спасителя, или, по ихъ выраженію, стараго Христа: проповѣдуетъ и собираетъ свое „малое стадо“, которому даетъ вѣдать тайны царствія, т. е. своего ученія. „Злые іудеи“, т. е. люди невѣрующіе въ него, враждуютъ противъ него, преслѣдуютъ его и его послѣдователей, наконецъ распинаютъ его, такъ это было, на примѣръ, по разсказамъ хлыстовъ, съ Иваномъ Тимофеевичемъ Суловымъ. Въ свою очередь нащъ Спаситель, по понятіямъ сектантовъ, былъ и по ученію и по жизни совершенный „божій человекъ“, первый провозвѣстникъ ихъ ученія (2).

И такъ, очевидно, н.м. г.г., что христы людей Бо-

(1) См. Записку Андреянова, въ VIII т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 259.

(2) Объ одномъ изъ своихъ хлыстовъ хлысты говорили, даже, что „у вышшняго сына Божія больше благодати, чѣмъ у прежняго“. Записка Андреянова, стр. 255.

жихъ вовсе не то, что еврейскіе жемессы, явившіеся до и послѣ Рождества Христова, или жехристы первыхъ вѣковъ христіанства, которые пытались *замѣнить* собою личность Божественнаго Основателя христіанства, каковы были: Симонъ волхвъ или Мемандръ, его ученикъ. И вообще ученіе хлыстовъ объ ихъ христахъ на христіанской почвѣ не находятъ ничего себѣ родственнаго или аналогическаго. Между христіанскими сектами не было и нѣтъ ничего подобнаго... Единственное ученіе, которое представляетъ черты сходства съ хлыстовскимъ мнѣніемъ объ ихъ христахъ,—это индійское ученіе о многократныхъ воплощеніяхъ Вишну. Ужъ не этотъ-ли индійскій мифъ неомытнымъ образомъ отразился въ хлыстовскомъ ученіи, подобно тому, какъ въ нашихъ народныхъ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ и другихъ богатыряхъ, по остроумнымъ соображеніямъ г. Стасова ⁽¹⁾, повторились тѣ же фабулы, какія легли въ основу индійскаго, персидскаго и вообще восточнаго героическаго эпоса?.. Не восточное-ли также ученіе о переселеніи душъ отзывалось въ слѣдующихъ чертахъ хлыстовскаго ученія, передаваемыхъ священникомъ Сергѣевымъ: „отдѣльнаго существованія духовъ, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не признають; а ихъ существованіе заключаютъ только въ чловѣкѣ. Вѣрують, что по смерти добрыхъ и угодившихъ Богу людей души ихъ преобразуются въ ангеловъ, а инныя причисляются, по мѣрѣ заслугъ, къ лику святыхъ; злыя же и грѣшныя души дѣлаются діаволами, *а несчастные люди*, не познавшіе пути Божія, т. е. вѣры ихъ, *переселяются въ скотовъ, змѣевъ и проч.* и опять изъ скотовъ и гадовъ переходять въ новорожденныхъ младенцевъ, потому что

(1) См. Вѣстн. Европы 1868 г. О происхожденіи русскихъ былинъ.

младенцы, по ихъ мудрствованію, рождаются отъ нечистоты... *Въруа въ переселеніе душъ*, они такъ тѣсно сближаютъ небо съ землею и смѣшиваютъ небесную іерархію съ земною, что земля, по ихъ понятію, ничѣмъ не отличается отъ неба; самъ Богъ будто бы, сходя къ нимъ съ небесъ, со всѣми святыми ангелами, архангелами и прочими небесными силами, а также со всѣми святыми, пребываетъ съ ними во плоти, видимо утѣшаетъ и убажаетъ, и они предъ нимъ ликуютъ и кружатся здѣсь на землѣ, думая, что также будутъ по смерти кружиться на небѣ“...

Какъ ни далеко хлыстовское ученіе отъ истиннаго христіанства, тѣмъ не менѣе хлысты хотятъ видѣть въ Іисусѣ Христѣ основателя своего ученія, въ св. апостолахъ—проповѣдниковъ его, въ мученикахъ, преподобныхъ и вообще христіанскихъ святыхъ—послѣдователей этого ученія. Какимъ же образомъ они соглашаютъ это свое ученіе съ сказаніями библіи и церковной исторіи, когда несообразность его съ библіей очевидна съ перваго взгляда? Не рѣшаясь совершенно отвергать подлинность евангельскихъ и вообще библейскихъ сказаній, наши сектанты въ сказаніяхъ библіи, на сколько они не согласуются съ хлыстовскимъ ученіемъ, видятъ аллегорію, „духовное, по выраженію священника Сергѣева, предлагаютъ на чувственное, и чувственное на духовное; представляютъ невидимое—видимымъ, неосызаемое—осызаемымъ, а видимое и осызаемое—невидимымъ и неосызаемымъ“. Руководствомъ для нихъ при такомъ толкованіи библіи служить, такъ называемое, толковое евангеліе (книга, бывшая въ большомъ употребленіи между православными), въ которомъ событія евангельской исторіи истолкованы, съ цѣлію нравоученія, въ смыслѣ

иносказательномъ, таинственномъ, Этотъ иносказательный смыслъ толкованій они принимаютъ за подлинный смыслъ евангельскихъ сказаній, а буквальный смыслъ послѣднихъ—за аллегорическій. Что касается до четіихъ—миней и прологовъ, рассказывающихъ жизнь святыхъ, то, производя названіе *пролога* не отъ греческаго слова *prologos* (предисловіе), а отъ русскаго глагола *пролыаю*, хлысты говорятъ, что живеописатели святыхъ въ прологахъ и четіихъ—минейхъ *облыкали* святыхъ, изображали ихъ жизнь не такою, какова она была на самомъ дѣлѣ (потому что въ дѣйствительности всѣ святые, по понятіямъ сектантовъ, были хлысты, то есть хранили чистоту, совершали корабельныя радѣнія и проч.), а иною, для того, чтобы утаить дѣйствительную жизнь святыхъ отъ міра, по силѣ словъ церковной молитвы: *не бо вразуми твоимъ тайну повѣмъ*,—подобно тому, какъ и теперь хлысты въ глазахъ міра являются добрыми христіанами — посѣщаютъ церковь, исповѣдаются и причащаются, и вообще бывають, по видимости, лучшими прихожанами православныхъ церквей, въ душѣ презирая Церковь, ея таинства и обряды.

Вотъ цѣлая система аллегорическихъ толкованій библіи и церковныхъ священнодѣйствій хлыстами, какъ она изложена въ запискѣ священника Сергіеда. 1) „*О паденіи пераго чловѣка*. Ни Адама, ни райа вовсе не было. Подъ Адамомъ нужно разумѣть умъ нашъ, Ева—это душа, жена или немощница, которую Богъ будто бы создалъ Адаму—это плоть; Едемъ—общество „Божіихъ людей“; древа райскія—люди ихъ согласія; дерево среди райа, красное въ снѣдѣ—предестинный женскій полтъ; змій искушитель — плотское вождѣлѣніе, чрезъ которое падаетъ чловѣкъ въ грѣхъ, плодъ древа райскаго, отъ

второго будто бы вкусили прародители—свѣтъ грѣхъ.
 2) Въ сказаніи о *переходѣ израильтянъ черезъ Черное море*: израильтяне знаменуютъ истинно вѣрующихъ (т. е. хлыстовъ древнихъ), Египетъ—міръ; Фараонъ—грѣхъ; Моисей—законъ Божій, жезлъ Моисеевъ—сила его; переходъ черезъ Черное море—избытіе соблазновъ мірскихъ; манна—слово Божіе (изрекаемое пророками хлыстовъ); скрижали закона—человѣческое сердце.
 3) Въ евангельскомъ сказаніи о *воплощеніи Сына Божія*: Дѣва Марія—чистая душа, архангелъ Гавріиль—небѣждъ, удостоившійся Божіей благодати; зачатіе Сына Божія—вселеніе въ душу Духа Святаго, рождество Христово—обнаруженіе въ хлыстѣ дара пророчества. Страданія Спасителя—скорбная жизнь въ мірѣ праведника; смерть Іисуса Христа—грѣхопаденіе праведника; положеніе во гробъ—лишеніе благодати и ослѣпленіе житейскими попеченіями; Воскресеніе Іисуса Христа—истинное покаяніе; вознесеніе—преуспѣваніе въ добродѣтели. Въ повѣствованіи о *самарянахъ*: самарянка—грѣшная душа, иидазь—грѣшеніе, живая вода—Святой Духъ, пять мужей самарянки—пять книгъ Моисеевыхъ. Болящій Лазарь—человѣческій умъ, немоцію побѣждаемый; Марфа—плоть, Марія—душа и проч. Іуда, предавшій Господа, по сказанію евангелія, *шодъ удавися*; народная легенда дополняетъ, что Іуда удавился на осинѣ; по толкованію хлыстовъ это значить, что онъ женился на *Ассинѣ*. „Они говорятъ о вступившемъ въ бравъ: такой-то удавился или оверутился, а женитьбу почитаютъ за великій грѣхъ, младенцевъ называютъ грѣшниками; позивальнымъ бабкамъ, говорятъ, за ихъ грѣхъ и прощенія не будетъ...“ (1). Совершенныя Іи-

(1) Записка Андреева, стр. 255.

сусомъ Христомъ и святыми чудеса сектанты объясняютъ такъ. Ходить по водамъ, яко по суку — значить, жить въ мирѣ и не касаться его соблазновъ; горѣть и не сгорать (о кунниѣ) быть искушаемымъ и не впасть въ искушение, испѣлять расслабленныхъ — подкрѣплять маловѣрныхъ, возставлять болящихъ отъ одра — ободрять унывающихъ, давать слѣпымъ прозрѣніе — научать истинной вѣрѣ (хлыстовщинѣ), отверзать слухъ глухимъ — проповѣдывать чистоту, отверзать уста нѣмымъ — неощрять на пѣснопѣвія во славу Божию и проч. Милости и козінъ кожи, въ которыхъ, по выраженію апостола, прошли святые поприще своей жизни — по понятіямъ сектантовъ суть таинства и обряды православной Церкви, которыя хлысты выполняютъ для вида, чтобы прожить безпечально, не терпѣть гоценій „отъ злыхъ іудеевъ“... Тамъ, гдѣ хлысты не могутъ библейскаго или богослужебнаго текста объяснить въ смыслѣ иносказательномъ, они переименовываютъ слова и буквы, напримѣръ, вмѣсто: тѣло Христово пріимите, они говорятъ: дѣло Христово творите; вмѣсто: разрѣшеніе вина и елея (выраженіе церковнаго устава) — отпущеніе виновностей и прекращеніе ссоръ; Иорданъ рѣка, значить, у нихъ гортань, изъ которой проистекаетъ пророческое слово — „какъ рѣка льется“.

Подобнымъ образомъ, православнымъ иконамъ сектанты усвоили символическое значеніе. Иконостасъ въ цѣломъ своемъ составѣ есть символическое изображеніе иждъ великаго радѣнія, въ полномъ составѣ корабля; икона, называемая деисусъ или деисисъ — малыя радѣнія; иконы двенадцати праздниковъ — разные моменты хлыстовскаго радѣнія; разныя иконы Пресвятой Богородицы — суть изображенія иждъ знаменитыхъ пророчицъ;

икона Спасителя иъ томъ или другомъ видѣ—изображеніе того или другаго изъ ихъ христовъ. Въ этомъ снискѣ хлысты охотно смотрять на иконы и даже поклоняются имъ, хотя гораздо охотнѣе молятся другъ на друга, говоря, что гораздо разумнѣе поклониться живому существу, въ которомъ можетъ быть невѣдомо для поклоняющагося обитаетъ Богъ, Духъ Святой или даже самъ Сынъ Божій, нежели неодушевленному дереву... У скопцовъ (!) особеннымъ уваженіемъ пользуются иконы архангела Михаила, воссѣдающаго на крылатомъ огненномъ или бѣломъ конѣ, поражающаго копьемъ змій, и св. Георгія Побѣдоносца, изображаемаго въ подобномъ же видѣ: архангелъ Михаилъ и св. Георгій, по ихъ толкованію, изображаютъ скопца, огненный конь—обожженную плоть его, бѣлый конь—пламенную чистоту, приобретаемую оскоспленіемъ, змій—знаменуетъ похоть плотскую, копье—орудіе оскоспленія; на иконѣ св. Георгія изображаются, кромѣ самаго святаго и змій—царская дочь, имъ опасенная, царь, отецъ дѣвицы и городъ. Первая знаменуетъ душу, спасаемую отъ вѣчной погибели—оскоспленіемъ, второй—самого Бога, съ любовію взирающаго на угодный будто бы ему подвигъ самоизуродованія, третій—небо, котораго удостоится скопецъ за свой подвигъ...

Послѣ всего этого, что же такое въ глазахъ сектантовъ Церковь, ея исторія, ученіе, таинства, обряды? „Божественную нашу религію считаютъ простымъ недѣльческимъ изобрѣтеніемъ, выдумкою мудрыхъ зако-

(!) Скопчество, выдѣлившись изъ хлыстовщины, и образовавши отдѣльную секту, ударило, однакожъ все ея ученіе и обряды. Единственное отличіе его составляетъ оскоспленіе, котораго отнюдь не хотять допустить хлысты: не трудно бороться съ умерщвленными врагами, а ты поборись съ живыми, говорятъ они.

подателей, изложенных въ равной силѣ, какъ и гражданскія постановленія... Церковь есть учрежденіе, ничѣмъ не отличающееся отъ иудейской синагоги и другихъ языческихъ соборій и только предназначающее ихъ духовную царство". Таинства они не признаютъ; особенно издѣваются надъ священствомъ. „Съ насмѣшкою говорятъ, будто вся духовность священнаго сама переродилась въ чувственные знаки. Монашескій, ангельскій бѣловидный чинъ преобразился въ черныи... Окомъ зависти взирая на свѣтительскія свѣтлыя и блистательныя украшенія, говорить, что вся благодать церковная окаменѣла и обратилась въ дорогія каменны, золото и серебро, которое могло бы многихъ бѣдныхъ пропитать. Въмѣсто всякаго благодѣянія церковнаго употребляютъ, при своихъ богослуженіяхъ, простыя бѣлыя рубашки". „Священниковъ именуютъ социальными ослѣплыми". „Супружеское сожитіе почитаютъ наравнѣ съ беззаконнымъ прелюбодѣянствомъ, уназывая на слова Спасителя: въ воскресеніи ни женятся, ни посягаютъ, но яко ангели, ибо почитаютъ себя таинственно воскресшими. Первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа, а паденіемъ въ грѣхъ супружескаго союзушенія". Остальныя всѣ таинства отрицаютъ на томъ основаніи, что по совершеніи ихъ, съ тѣми, надъ кѣмъ они совершены, не происходитъ будто бы никакой видимой перемѣны, ничего подобнаго тому, что испытываютъ хлысты во время своихъ радніи. Истинные христіане, духовные, каковы хлысты, не имѣютъ надобности въ чувственныхъ знакахъ, какіе составляютъ принадлежность церковныхъ таинствъ: только сущій во плоти плотскій мудрествуетъ, а иже по духу—духовная, а идѣже духъ, тамъ—свобода.

Мы не считаемъ нужнымъ доказывать, какъ про-

вратно и несчастно во всем этом учении хлыстовъ постигание или въ Писаніяхъ. Какъ для испорченнаго желудка пища есть уже вредъ, справедливо замѣчаетъ Сергіевъ, и какъ дряхлѣющему малѣйшее хвраще преткновеніемъ биваетъ, а преткновеніе предускоряетъ и самое паденіе: такъ и для сихъ заблуждающихся все служить нѣ соблазну, — всякое книжное сказаніе и всякій магомъ Вождь“.

III.

Въ настоящее время, по видимому, у хлыстовъ нѣтъ „изобрѣтенныхъ“ христовъ. Подтвердитъ такимъ христомъ признается у нихъ Государь Петръ III, который доселѣ, будто бы, сокровенно живетъ въ странѣ восточной, Иркутской. Мѣсто христовъ заступаютъ теперь у хлыстовъ пророки. Такой пророкъ есть непременно въ каждой частной хлыстовской общинѣ, даже каждый частный членъ общины можетъ во время радѣнія удостоиться чрезвычайныхъ дарованій и изречать пророчества. Подобно сектѣ ирвингіанъ, существующей въ настоящее время въ западной Европѣ (особенно въ Англіи) и въ Америкѣ, наши сектанты хотѣли видѣть въ своей сектѣ осуществленіе, повтореніе церкви первобытной, апостольской, когда оны были пророками, оны апостолами, оны пастырями и учителями. Когда были у хлыстовъ христы, при нихъ большею частью было двѣнадцать апостоловъ, которые помогали ему „уловлять вселенную“. Теперь, хотя и нѣтъ у нихъ христовъ, тѣмъ не менѣе чрезвычайныя благодатныя дарованія церкви первобытной существуютъ у нихъ въ полной мѣрѣ: и теперь оному дается Духомъ пророчество, иному даръ

языковъ, никому сказаніе языковъ. Хлыстовскіе пророки обладаютъ, по отношенію къ своимъ общинамъ, чрезвычайными полномочіями и авторитетомъ, свойственнымъ органамъ непосредственно дѣйствующаго чрезъ нихъ св. Духа, какъ въ постановленіи ученія и богослуженія, такъ въ устроеніи всей общественной и частной жизни членовъ секты. По словамъ г. Мельникова власть Далай-Ламы между буддистами—ничто, въ сравненіи съ тою властію, какою пользуется пророкъ въ хлыстовской общинѣ.

Въ чемъ же состоитъ, и какимъ способомъ достигается это нравственное совершенство, при которомъ простолюдинъ дѣлается христомъ или, по крайней мѣрѣ, пророкомъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служить *нравственное* ученіе хлыстовъ, обстоятельно изложенное и разобранное въ книгѣ Добретворскаго. Мы изложимъ его лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, словами г. Мельникова. Назначеніе каждого человека, говорятъ хлысты, состоитъ въ томъ, чтобы умереть, воскреснуть и сдѣлаться ангеломъ, ибо всѣ ангелы (какъ мы видѣли выше) суть не что иное, какъ отжившіе люди, сподобившіеся таинственнаго воскресенія. Есть смерть о Адамѣ и есть смерть о Христѣ, есть мертвые о Адамѣ и мертвые о Христѣ. Смерть о Адамѣ есть послѣдствіе Божеслаго приговора: земля еси и въ землю отыдеши. Смерть о Христѣ есть смерть таинственная, состоящая въ умерщвленіи воли, себялюбія и гордости, а главное въ умерщвленіи плоти, этого злаго демонскаго начала, въ природѣ человека, въ полнѣйшей безстрастности и святости. За этою смертію слѣдуетъ погребеніе о Христѣ, т. е. отвлеченіе мыслей отъ всего внѣшняго и углубленіе въ самого себя, какъ въ могилу. Въ тай-

никъ каждой души есть начатокъ духа Божія, и если кто умеръ о Христѣ, говорятъ хлысты, и спогребся Ему въ смерть, т. е. послѣ умерщвленія воли и плоти низоидеть въ самого себя, тотъ услышитъ въ себѣ внутренний голосъ, и въ глубинѣ души своей найдетъ царствіе Божіе, которое внутри насъ есть. Кто услышитъ въ себѣ этотъ таинственный голосъ, тотъ таинственно воскресъ. Съ той минуты онъ дѣлается храмомъ Божиимъ и Духъ Божій живетъ въ немъ; съ той минуты онъ оправдится отъ грѣха, сдѣлается безгрѣшнымъ, и тогда ему, какъ праведнику, законъ не лежитъ.... Таинственно воскресшій вмѣсто своей воли получаетъ волю Божию; что онъ ни дѣлаетъ, что ни говоритъ—дѣлаетъ и говоритъ не онъ, но самъ живущій въ немъ Духъ Святой. Если онъ дурачится, прикидывается юродивымъ—во всемъ. нужно видѣть особенную премудрость Божию, ибо буетъ Божіе премудрѣе челоѣка есть.

Отсюда уже, съ свойственною русскому уму смѣлостію и послѣдовательностію въ выводахъ, септанты за-
|| 17
ключаютъ, что даже такіа дѣйствія таинственно воскресшаго, какъ развратъ Радаева, сознавшагося на судебномъ слѣдствіи въ связи съ тринадцатью женщинами, безпрекословно отдавшимися ему изъ повиновенія его пророческому авторитету; — есть не грѣхъ, а дѣло святое, такъ какъ оно не было дѣломъ собственно Радаева, а живущаго въ немъ Духа Святаго. Отсюда и свальный грѣхъ, которымъ оканчивается большая часть чрезвычайныхъ или великихъ радѣній—дѣло святое, дѣло религіознаго культа, любовь Христова, — такъ какъ совершается непосредственно вслѣдъ за радѣніемъ, когда Духъ Святой „накатитъ“ на радѣющихъ: плотское возбужденіе, которое является какъ слѣдствіе уси-

взвѣннаго раздраженія нервовъ послѣ усиленнаго бѣганья „на круту“—есть дѣйствіе „накатившаго“ на нихъ Св. Духа... Дѣти, зачатія отъ этого ерѣха, признаются зачатными по настию Св. Духа, родившимися не отъ иррова, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога; имъ усвоивается названіе *христосмыслѣ*; воспитываются они подѣ надзоромъ мальчики—пророковъ, а дѣвочки — пророчицъ и въ послѣдствіи заступаютъ ихъ мѣста въ селѣ. Такимъ образомъ, у секты людей Божіихъ мы находимъ даже обоготвореніе разврата, нѣчто въ родѣ культа Афродиты и Астарты, хотя далеко не въ той эстетически-облагороженной формѣ, въ какой онъ является у грековъ и народовъ эллинизованныхъ. А что касается до умерщвленія плоти, этого злаго, демонскаго начала въ природѣ чловѣка, посредствомъ воздержанія, то въ этомъ пунктѣ хлыстовскаго ученія, равно какъ въ ученіи о близкомъ средствѣ и постоянномъ общеніи чловѣка съ небомъ и небожителями, о легкомъ переходѣ изъ одного міра въ другой, по нашему мнѣнію нельзя не видѣть самой близкой аналогіи съ гностицизмомъ.

Хлыстовскія радѣнья, подробно описанныя г. Добротворскимъ въ 8-й главѣ его книги, служащія вышшею формою богопочтенія таинственно воскресшихъ, составляютъ явленіе родственное богослуженію греческихъ евхитовъ, западныхъ бичующихся и пляшущихъ и наконецъ—квакеровъ. Подобно тому, какъ во всѣхъ этихъ сектахъ, бѣганье и верченье хлыстовъ на радѣньяхъ имѣетъ значеніе прежде всего аскетическое, дѣлается съ цѣлію изнуренія плоти (хотя, какъ видно изъ послѣдствій, какими они сопровождаются, цѣль эта достигается въ смыслѣ совершенно противоположномъ):

Богу порадайте,
Плотей не жайте,
Мареу (¹) не падите,
Богу послужите,

покуть хлысты на радѣньяхъ. Затѣмъ уже эти бого-
служебныя ихъ дѣйствія имѣютъ значеніе духовнаго ве-
селія и ликованія, по образу небожителей, которыхъ
блаженство, по понятіямъ хлыстовъ, состоитъ именно
въ томъ, что они „ходятъ въ кругу“, доказательство
чего видать въ словахъ церковныхъ пѣсней: *съ небес-
ныхъ круговъ слетѣлъ Гавріилъ..., небесною круа верхо-
творче, Господи...* На землѣ первообразъ своихъ радѣ-
ній сектанты видать въ дѣйствіи царя Давида, который,
по выраженію церковной пѣсни, *скакаше ирра*,—и въ
собраніи апостоловъ въ Сіонской горницѣ въ день пяти-
десятницы: Духъ Святой, по словамъ одной хлыстов-
ской пѣсни, сошелъ на нихъ (подобно тому, какъ онъ
сходитъ на сектантовъ во время радѣній) въ то время,
какъ они „радѣли на кругу“.

Въ дополненіе къ описанію хлыстовскихъ радѣній,
имѣющемуся въ изслѣдованіяхъ гг. Добротворскаго и
Мельникова, сообщаемъ описаніе того же предмета Сер-
гѣевымъ, отчасти пополняющее свѣдѣнія двухъ изслѣ-
дователей, отчасти разнящееся отъ нихъ. „Когда на-
ступаетъ какой-нибудь праздникъ, то наканунѣ ухо-
дятъ изъ домовъ, подъ предлогомъ ярмарки или дру-
гой причины, и незамѣтнымъ обрядомъ собираются въ
тотъ домъ, въ которомъ предполагается радѣнье. Когда
наступить ночь, собираются въ одну горницу. Помо-
лившись образамъ, кланяются въ ноги сначала глав-

(¹) Евангельская Мареа, по понятіямъ хлыстовъ, есть аллегоричес-
кое имя плоти, подобно тому, какъ подъ Маріей, ея сестрой, нужно
разумѣть душу.

ному учителю, потомъ всѣмъ братьямъ и сестрамъ, которые вошедшему отвѣчаютъ тѣмъ же. Вставши, вошедшій цѣлуетъ въ руку и въ уста наставника, потомъ цѣлуется съ прочею братією. Въ случаѣ, если собранію грозитъ какая-либо опасность со стороны мірскихъ властей, прежде, чѣмъ начать радѣнье, разставляютъ около дома караулы... Всѣ бывають одѣты въ длинныя бѣлыя рубахи, нарочито для радѣній устроенныя, съ длинными рукавами, а женщины одѣты въ лучшія свои одежды и подпоясаны голубыми или вообще цвѣтными поясами и лентами. Предъ иконами зажигаются свѣчи; учитель беретъ кадильницу, кадитъ иконы и предстоящихъ; потомъ, отдавши кадильницу, учитель, по образу нашихъ іерарховъ, кладетъ себѣ на плечи полотенце, подобіе омофора..., беретъ въ одну руку крестъ, въ другую—зажженную свѣчу, и вмѣстѣ со всѣми начинаетъ пѣть: царю небесный..., многое множество моихъ, Богородице, прегрѣшеній..., большею частію переиначивая слова, отчасти по незнанію, отчасти преднамѣренно, примѣнительно къ своему ученію. Потомъ, обращаясь поочередно на всѣ четыре стороны, осѣняетъ крестомъ и свѣчею предстоящихъ, приговаривая.. Христось воскресе! Предстоящіе отвѣчаютъ: воистину воскресе! Затѣмъ ставитъ крестъ и свѣчу на мѣсто; всѣ садятся по лавкамъ и разстилаютъ на колѣняхъ платки и полотенца, приготавлиаясь къ радѣнью. Въ это время наставникъ говоритъ поученіе, въ родѣ слѣдующаго: возлюбленные мои дѣтушки! не сомнѣвайтесь въ великой милости небеснаго Отца, возлетайте всѣ мыслями на небо къ престолу Батюшки Царя небеснаго, проливайте отъ сердца теплыя свои молитвы къ Нему, просите Его, Государя, чтобы нис-

послать милость Свою намъ, Сына Своего Іисуса Христа къ намъ послать, извоилъ бы намъ милости Своя послать, излилъ на насъ Духа Святаго благодать. „Посидѣвши затѣмъ нѣсколько времени въ глубокомъ молчаніи, наставникъ обращается къ хозяину дома съ такими словами: „ну-ко-сь, господинъ хозяинъ, благоволите-ка намъ съ Государемъ батюшиною повеселиться; небесною пищею Его насладиться, Богомъ-свѣтомъ завладѣть и на святомъ кругу его покатать“. Хозяинъ, вставши и поклонившись, отвѣчаетъ: „родимый ты нашъ батюшка, вѣтъ знаешь: народъ Божій собрался не стѣнъ моихъ смотрѣть, а мягкихъ пироговъ твоихъ покушать и слова Божьяго, отъ тебя, Государь послушать“. (У нихъ св. Писаніе называется сухарями, черствымъ хлѣбомъ, давно уже испеченнымъ, т. е. проповѣданнымъ, а ихъ пророчество—мягкими и горячими пирогами, которые вынимаются прямо изъ печи, т. е. изъ устъ пророка). Тогда наставникъ, перекрестившись, начинаетъ вмѣстѣ со всѣми молитву:

Дай намъ, Господи, Іисуса Христа,
Дай намъ, сударь, Сына Божія и проч.

По окончаніи этой молитвы, одинъ изъ собранія, заранѣе предназначенный „ходить въ словъ“, т. е. пророчествовать, какъ бы въ изступленіи, вдругъ встрепенувшись, вскрикиваетъ, въ знакъ того, что на него „накатилъ духъ“, разувается, иногда его разуваетъ сидящіе подлѣ него; между тѣмъ все собраніе продолжаетъ пѣть протяжно ту же пѣснь: дай намъ, Господи и пр.; когда молитву занюютъ въ третій разъ—скорымъ напѣвомъ—онъ встаетъ, начинается кружиться съ всхлипываньемъ, до тѣхъ поръ, „пока благодать совершенно имъ не овладѣетъ“; тогда онъ останавли-

встаетъ, оправляется, приговаривая: „Христосъ воскресъ“; имѣя дикій видъ, „быстрыми глазами смотритъ на всѣхъ гордо“, называетъ себя Богомъ, поглядываетъ на находящійся въ его рукахъ платокъ, какъ бы въ нѣкій таинственъ, что-то говоритъ про себя; беретъ въ горсть руки воду и кропитъ ею горницу и присутствующихъ, чтобы къ нимъ не вралась въ корабль какая нечистота, бросаетъ воду на воздухъ, какъ бы заливая пожаръ, т. е. могущій случиться рознь и раздоріе или секты. Послѣ этого всѣ встаютъ, крестятся и молятся на него, а онъ „тихимъ и дикимъ голосомъ“, „привозноситъ на распѣвъ свое пророчество, сначала обращая свою рѣчь къ цѣлому кораблю (такъ называется „общая судба“) въ такомъ родѣ (1):

Ахъ мой батюшка, отецъ—да
Ты: услыши вѣдь меня—да
Ты небесный вѣдь творецъ—да
Ты мой-то вѣдь глава—да
Благослови-кась ты меня—да
Своего-то вѣдь раба—да
Въ золоту трубу трубить—да
Во небесный колоколецъ—да
На святомъ кругу звонить—да
Что могу я безъ тебя—да?
Ну мой батюшка родной—да
Научи-же ты меня—да
Твое слово проповѣдать—да..
А вы други-ль вы мои—да
Вы меня-то вѣдь простите—да
Проливайте горьки слезы—да
И вы батюшку просите—да
Умоляйте вы его—да..
Чтобы онъ вѣдь заступилъ—да
Ужъ за насъ-то вѣдь сиротъ—да
Упросилъ бы изъ рая—да
У небеснаго царя—да

(1) Приводимъ это „пророчество“ въ томъ видѣ, какъ оно записано Сергѣевымъ.

Ужъ вѣдь птицу сокола—да
 Что вѣдь духа-то свята—да
 Ужъ и къ намъ-то-ли сюда—да
 Утѣшителя благова—да..
 Ужъ я вижу чудеса—да
 Что всходились облака—да
 Всколебались небеса—да
 Отворяетъ намъ владика—да
 Ужъ небесную-то дверь—да..
 Наливается сосудъ—да
 Ужъ вѣдь Божьей-ли рукой—да
 Что катить съ неба вѣдь судъ—да
 Стойте всѣ вы, да со страхомъ—да
 Дарить хотѣть вѣдь отецъ—да
 Изъ насъ всякаго вѣдь даромъ—да..
 Ну живите, не тужите—да..
 Только Богу мнѣ служите—да..
 Вы имѣйте чистоту—да
 Что вѣдь дѣвство-то святое..
 Не своимъ—да, вѣдь умомъ—да
 Ужъ вамъ други—да, говорю—да
 А все Божьимъ-то судомъ—да... в проч.

За „общую судьбою“ слѣдуетъ „судьба частная“—предсказаніе каждому члену корабля въ отдѣльности. Ниже мы представимъ характеристическіе образцы этихъ частныхъ пророчествъ. Здѣсь пророки истощаютъ всю свою изобрѣтательность, потому что каждому нужно сказать что-нибудь примѣнительно къ его частнымъ обстоятельствамъ. За частною судьбою слѣдуетъ самое радѣнье, состоящее въ бѣганьи и верченіи на одномъ мѣстѣ. Различные виды радѣнья описаны подробно г. Добротворскимъ: круговое—корабельное, крестикомъ и проч. Въ продолженіе круженія и скаканія, продолжаетъ Сергѣевъ, они поютъ свои глѣси „очень согласна и пріятно“, по временамъ единогласно всхлипывая, издавая порывистыя трели и гоготанье, непрерывно повторяя: ой духъ, ой духъ, ой духъ! Ой гогъ, ой гогъ, ой гогъ! Царь-богъ, царь-богъ, царь-богъ!

Этимъ гоготаньемъ они заводятъ на слушателей ужасъ, и если послушать ихъ изъ-за стѣнъ, то можно подумать, что они чѣмъ-то сѣются, отъ чего и существуетъ въ народѣ молва, будто они, бѣгая около чана, хлыщутся, приговаривая: хлыщу, хлыщу, Христа ищу! Выйди къ намъ наружу и дай денегъ на нужу... При круженіи нѣкоторые трясутся, кривляются, топаютъ ногами, присѣдаютъ къ землѣ, приходятъ въ изступленіе и говорятъ „иными языки странные глаголы“ которыхъ и сами, конечно, не понимаютъ. Случается, что иной хвалится: „я-де богъ великъ“, а другой отвѣчаетъ: „а я богъ больше тебя“, и чтобы рѣшить споръ, одинъ другому даетъ пощечину: кто равнодушно вынесетъ ее, подставивъ и другую ланиту, тому и приписывается большее божество: смиреннымъ-де дается благодать... У нѣкоторыхъ сектантовъ радѣнье имѣютъ нѣсколько другой видъ: эти, какъ они называютъ себя—„старого повѣту“ ограничиваются богослуженіемъ, по словамъ Сергѣева, совершенно тождественнымъ съ квакерскимъ... Радѣнье у обыкновенныхъ хлыстовъ оканчивается пѣніемъ стиховъ: воскресеніе Христово видѣвши..., воскресъ Іисусъ отъ гроба..., прикладываніемъ ко кресту, къ рукѣ главнаго учителя и взаимными лобзаніями со словами: Христосъ воскресъ—воистину воскресъ!

Кромѣ радѣній, составляющихъ родъ богослуженія, наиболѣе торжественнаго, совершаемаго только подъ двенадесятые и годовые праздники, а также въ случаяхъ принятія въ секту новыхъ членовъ, есть еще другой родъ богослуженій хлыстовъ, совершаемыхъ гораздо чаще: это простыя „бесѣды“, на которыхъ бываетъ все, что и на радѣньяхъ, за исключеніемъ той

торжественной обстановки, какую мы описали выше. Для знакомства съ этими „бесѣдами“ приводимъ характеристическій разсказъ одного обратившагося хлыста. „Однажды, наканунѣ новаго года, собрались мы на „бесѣду“, часу въ десятомъ вечера. Въ пророческомъ дѣлѣ ходилъ домохозяинъ Ѳедоръ Силантьевичъ. Онъ карауломъ забылъ распорядиться предварительно, и мы были въ нѣкоторой тревогѣ. Онъ это замѣтилъ и обратился къ собранію съ такимъ пророческимъ словомъ:

Возлюбленные друзья!

Вы себя не тревожьте,
Надежду на меня, свята духа положите,
Соборъ вамъ я крѣпкой стѣной огорожу,
На караулъ легіонъ ангеловъ пошлю...
Врага злого на сто сажень къ собору не допущу;
А вы мнѣ святому духу вѣрьте,
Живую благодатную воду мою пейте,
Подите, друзья, кораблемъ порадайте,
Въ духовной моей бапѣ попотѣйте...

„Мы образовали около пророка корабль и предались радѣнью со всѣмъ азартомъ, въ той надеждѣ, что нашъ соборъ нараулитъ легіонъ ангеловъ. Въ самомъ разгарѣ „божьей работы“ вдругъ вбѣгаетъ въ соборъ работница: „бѣгите кто куда знаетъ, къ намъ кто-то прѣхалъ“! На насъ напалъ паническій страхъ; мы не знали что и дѣлать. Духъ Святый изъ пророка въ одно мгновеніе улетѣлъ. Ѳедоръ Силантьевичъ только бѣгалъ по горницѣ и ахалъ. Марья была дѣвка сметливая: успокойся, говоритъ, сними верву, передѣнь бѣлье, а я приму ихъ и скажу, что ты моешься. Между тѣмъ мы всѣ кинулись бѣжать въ однихъ потныхъ рубашкахъ, босые, кто куда. Снѣгъ былъ по колѣно, морозъ градусовъ 25-ть, а намъ не холодно—жарко; казалось благодать насъ согрѣвала. Наконецъ хозяинъ прово-

днѣхъ прїѣзжихъ: то были голова и сборщикъ податей. Насъ угодили и мы собрались—взять свое платье и обувь. Доначивали бесѣду уже на другой день. На на-
рауль нарядили двухъ молодцовъ, а на ангеловъ уже на надѣлись. Сначала говорили о вчерашнемъ собы-
тіи. „Эки чудеса Богъ творить, говорить одинъ: до
высоловъ — сажень двѣсти; а я домой прибѣжалъ — у
меня ноги до того горячи, что свѣтъ подо мной таялъ,
и готовъ еще столько же бѣжать. Ну, милость Божіи
дивная!“ Другой говорить: „я думалъ, что бѣгу по
травѣ, а не по свѣту; если-бъ не стыдно было босому
и раздѣтому придти въ домъ свой, то, кажись, добѣ-
жалъ бы до самаго своего села (версты три)“. Нако-
нецъ говорю и я: „братцы, а я палецъ на правой
ногѣ жестоко ознобилъ“. „Это значить—ты повиненъ
грѣху, отвѣчалъ Федоръ Силантычъ: отъ того благо-
дать тебя и не согрѣвала“. Въ заключеніе разговора
вчерашній пророкъ обратился къ обществу съ такою
речью: „Господь Богъ одинъ и тотъ же: какъ древле
онъ разжевные одры охлаждалъ и мученикамъ казалось,
что они лежатъ не на огненномъ одрѣ, а на мягкой
постели, такъ и до конца Господь свои чудеса творить
будетъ. Помогитесь, братья и сестры, поблагодаримъ
Господа за его къ намъ милости“. Началась „бесѣда“. На пророческое дѣло нарядили Молявку. Она проро-
ческии словомъ зашла:

Вы любезные мои!
Будьте вѣрны до конца;
Не лишу злата вѣнца.
Хотя воронъ налетѣлъ,
Стадо мое распуталъ;
А самъ Господь Саварезъ
Съ неба на васъ поглядѣлъ,
Помощь—силу вамъ послалъ,

Неженить васъ, други,
 Теплоту свою сослать;
 А мои небесныя круги
 Всѣ блаженныя души
 Невидимо васъ одѣвали,
 Тѣла ваши согрѣвали;
 И я, духъ святой, съ вами невидимо пребывалъ,
 Ваши душеньки въ уборъ небесный убиралъ,
 Всѣ ступеньки ваши я самъ духъ святой считалъ
 За каждую ступень я сторицей заплачу,
 А злого врага во гробъ вложу,
 Чтобъ не смѣлъ пужать небесный мой синодъ,
 И не смѣлъ-бы тревожить моихъ вѣрныхъ рабовъ.
 А надъ вами благодатный всегда мой покровъ.
 Оставайтесь, Богъ съ вами,
 Милость Божія надъ вами.

Затѣмъ послѣдовала частная судьба. Помолившись
 сперва предъ образами, чтобы, благословилъ ее „небес-
 ный доброхотъ“ „идти ей въ походъ“ по его вѣрнымъ
 рабамъ“, помогъ ей евангелъ толковой его вѣрнымъ
 прочитатъ, чтобъ могли они живаго Бога почитать,
 полного духа въ сердца свои включать, Отца и Сына
 непрестанно прославлять“,—она обратилась сначала къ
 Ѳеодору Силантычу, вчерашнему пророку, поклонилась
 ему съ крестнымъ знаменіемъ въ землю и запѣла:

Здравствуй, вѣрный, дорогой,
 Избранный воинъ мой!
 Со врагомъ смѣло воюй,
 Ни о чемъ ты не горюй.
 Хоша злой врагъ помышлять
 Совершать мои дѣла,
 И разстроилъ весь мой здѣсь
 Благодатный кабинетъ (!)
 Я злого того врага грозно нападу,
 А тебя, моя душа,
 Благодатью напращу.
 Въ царствіе опредѣлю,
 Со ангелами всею,
 Оставайся, Богъ съ тобой,
 Покровъ Божій надъ тобой!

Затѣмъ началась судьба Семену Ариновичу:

Здравствуй, вѣрный рабъ ты мой,
Возлюбленный Симеонъ!
Ты дивисься на мои
Премудрыя чудеса:
Не могли вотъ тѣлеса
Повредиться отъ мороза.
Такъ тебѣ я что скажу:
Вѣра твоя горяча
Несумнѣнная была,
Она тебѣ помогла,
А благодать-то моя
Теплоту тебѣ дала.
Будь же вѣренъ до конца;
Не лишу тебя царства,
Обведу всѣ мятарства.
Оставайся, Богъ съ тобой,
Милость моя надъ тобой.

Потомъ—судьба Ильѣ Ариновичу:

Ну, Богъ помощь и тебѣ,
Возлюбленный, дорогой!
Вѣдь батюшка духъ святой
И тебѣ тожъ помогалъ,
Твое тѣло согрѣвалъ,
Благодатью одѣвалъ,
За то, что ты, душа моя,
Къ Богу сердцемъ воспылалъ,
Свое сердце надрывалъ,
Бога въ помощь призывалъ.
Доведу я и тебя
До небеснаго дворца,
До блаженнаго рая.
Во судѣ меня прости,
А самъ въ небушко расти.

Дошла очередь до меня.

Ну, поди, душа, на судъ.
Ты бери дѣло въ разсудъ,
Какъ Богъ вѣрными помогалъ,
А тебя, душа моя,
Лютый морозъ озноблялъ,
За чѣмъ вѣры не имѣлъ.
Вѣдь сомнѣніе Петра

На дно моря повлекло
И онъ слезно закричалъ:
Господи, спаси меня!
Тогда самъ Господь Петра
За правую руку взялъ,
На корабль его поставилъ,
А Петръ Господа прославилъ.
Такъ и ты, душа моя,
Поди Богу помолись,
И праведнымъ поклонись,
Ихъ молитвъ себѣ проси.
А мнѣ святу духу вѣрь,
Не погубить и тебя
Никакой лютый звѣрь.
Оставайся, Богъ съ тобою,
Покровъ Божій надъ тобою.

Отъ меня Молявка пошла съ частной судьбой по очереди къ другимъ „вѣрнымъ душамъ“ и благодарила за вчерашніе труды. А я принужденъ былъ, какъ малодѣльный, молиться Богу и вѣнчаться всѣмъ въ ноги. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что и другіе многіе ознобили ноги. Тогда я пожалѣлъ о своихъ поклонахъ, да уже дѣлать было нечего: слово—не воробей; выско-чить—не поймаешь. Если-бъ я не сказалъ о своемъ ознобѣ, конечно и меня мнимый „духъ святой“ благодарилъ бы за крѣпкую вѣру и труды“ (1).

Наконецъ, къ числу обрядовъ секты Людей Божіихъ наши изслѣдователи, гг. Добретворскій и Мельниковъ, относятъ еще изрѣдка будто-бы совершаемый хлыстами гнусный обрядъ причащенія тѣломъ и кровію. „Во время моженія Люди Божіи сажаютъ въ чанъ, наполненный теплой водой 16-ти лѣтнюю дѣвицу. Когда она усядется въ чанъ, подходятъ къ ней старухи, дѣлаютъ глубокій надрѣзъ на ея груди, потомъ отрѣзываютъ одинъ изъ сосцовъ—лѣвый и съ удивительною ловко-

(1) Тульскія Вѣд. 1867 г., № 17 и 18.

стію останавливаютъ теченіе крови. Во время этой страшной операціи даютъ ей въ руки икону Св. Духа (по Мельникову — икону нерукотвореннаго Спаса), чтобы она, углубившись въ благоговѣнное созерцаніе, легче переносила страшную муку. Потомъ отрѣзанный членъ тѣла кладутъ на блюдо, разрѣзываютъ на мелкіе куски и раздаютъ присутствующимъ еретикамъ, которые ѣдятъ ихъ. Когда окончится это людоедство, дѣвицу сажаютъ на возвышенное мѣсто, для нея особо устроенное, и все собраніе пускается плясать около нея, припѣвая: поплясавъ, погоравъ на сіонскую гору. Пляска дѣлается живѣе и живѣе, безуміе достигаетъ высшей степени; вдругъ свѣчи гаснутъ, и тогда начинается сцена, для которой напрасно будемъ искать примѣровъ и въ язычества. Эта сцена и есть Чувальный грѣвъ, о которомъ мы упоминали выше. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что наши изслѣдователи заимствуютъ этотъ рассказъ не изъ официальныхъ документовъ и не изъ письменныхъ какихъ-либо показаній самихъ хановъ, какъ это они дѣлаютъ обыкновенно во всѣхъ другихъ случаяхъ, даже не столь важныхъ, какъ настоящий, а изъ книги Гакстаузена, который „слышалъ“ этотъ рассказъ отъ одного „достовернаго“ лица. Какъ ни уважаемъ мы барона Гакстаузена, особенно за открытое имъ общинное начало въ быту русскихъ крестьянъ (въ чемъ онъ, какъ извѣстно, предупреждалъ самихъ славянофиловъ), — мы не находимъ достаточнымъ его авторитетъ въ настоящемъ случаѣ. Для того, чтобы передаанный выше рассказъ могъ быть занесенъ въ научное изслѣдованіе, какъ несомнѣнный (какъ это мы находимъ въ книгѣ г. Добротворскаго), необходимо, чтобы онъ былъ подтвержденъ официальнымъ рас-
ска-

дованіемъ, чего мы въ настоящемъ случаѣ не видимъ, не видимъ даже того, чтобы фактъ, подобный разсказанному, былъ упомянутъ хоть въ одномъ изъ тѣхъ многочисленныхъ письменныхъ источниковъ которые были въ распоряженіи т.г. Добротворскаго и Мельникова. Самъ же Мельниковъ говоритъ ⁽¹⁾, что православный народъ питаетъ въ хлыстовщинѣ отвращеніе и какую-то суевѣрную боязнь; что „о ней ходитъ въ народѣ странные разсказы, *съ примѣсю чудесною*, какъ о колдунахъ, оборотняхъ, фармазонахъ и пр.“ Не подѣвліяніемъ ли подобнаго взгляда на хлыстовщину сложился и разсказъ о причащеніи тѣломъ и кровію? Самъ же г. Мельниковъ отрицаетъ, сложившійся подобнымъ способомъ въ средѣ православныхъ, разсказъ о хлыстаньи „святими жгутьями“ во время бѣганья вокругъ чана, на томъ основаніи, что онъ не подтвержденъ судѣбными разслѣдованіями, хотя о немъ говорится въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, бывшихъ въ его распоряженіи, и даже въ самыхъ пѣсняхъ хлыстовъ: почему же онъ находитъ болѣе достовѣрнымъ разсказъ Гакстаузена ни на чемъ, кромѣ показанія „достовернаго“ разсказчика, неоснованный? И возможное-ли дѣло, чтобы такое ужасающее и омерзительное явленіе, какъ мнимое людоедство хлыстовъ, осталось неизвѣстнымъ ни одному изъ составителей записокъ и донесеній о хлыстовщинѣ, которыхъ такое множество насчитываетъ г. Мельниковъ въ началѣ своей статьи, и о немъ зналъ лишь неизвѣстный „достоверный“ свидѣтель Гакстаузенъ?... Официально дознанъ только одинъ видъ хлыстовскаго причащенія — хлѣбомъ и квасомъ, существовавшій у московскихъ хлыстовъ, обнаруженныхъ въ царствованіе

(1) Въ статьѣ: „Тайныя секты“, Гусска. Востокъ. 1866 г., май.

Анны Іоанновны,—какъ это видно изъ дѣла о квакерской сектѣ (¹).

IV.

Прежде, чѣмъ обнародованы будутъ всѣ имѣющіеся въ архивахъ матеріалы и собраны будутъ всѣ нужныя свѣдѣнія о хлыстовщинѣ, окончательное заключеніе о сектѣ было бы дѣломъ преждевременнымъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся уже въ литературѣ данныхъ, мнѣ кажется, можно сдѣлать нѣсколько общихъ выводовъ и соображеній о ней. Такъ:

1. Пересматривая всѣ имѣющіеся въ настоящее время въ печати матеріалы для изученія хлыстовщины, особенно статистическія данныя въ книгѣ г. Варадінова, мы не можемъ не придти къ тому убѣжденію, что секта Людей Божіихъ, послѣ раскола старообрядства, *самый распространенный изъ всѣхъ существующихъ на руси видовъ религіознаго разномыслія*. Нѣтъ, кажется, губерніи въ Россіи, гдѣ бы они, отъ времени до времени, не обнаруживали своего существованія. Начиная съ Костромской губерніи, гдѣ секта появилась въ царствованіе Алексѣя Михайловича, она обошла сначала всѣ центральныя губерніи: Ярославскую, Московскую, Рязанскую, Тульскую, Тамбовскую, Владимірскую, Орловскую, Калужскую, Пензенскую. Позже она появилась въ губерніяхъ поволжскихъ: Нижегородской, Казанской, Самарской, Саратовской, Астраханской, затѣмъ замѣчены обнаруженія ея въ губерніяхъ Воронежской и Таврической (щелануты, ползуны, сусленники); губерніи мадороссійскія, дотогѣ остававшіяся чуждыми

(¹) Подл. Собр. Зак., т. IX, № 6613.

сѣтанству, не избѣли общей участи, какъ видно изъ сообщаемыхъ гг. Мельниковымъ и Варадиновымъ данныхъ. Наконецъ въ губерніяхъ сѣверо-западнаго и восточно-латвійскаго края также отъ времени до времени оказывались хлысты. Правда, численность сѣтантовъ опредѣлить даже приблизительно нѣтъ возможности. „Ибо свойства сей секты удивительны, скажетъ словами священника Сергѣева: хотя въ тайнѣ она больше всѣхъ сектъ хулитъ церковь, но священныя храмовъ, священства и всей святости церковной, какъ тѣ, не удаляется, да и наставники оной не только не запрещаютъ ученикамъ своимъ ходить въ церковь, но, наравнѣ съ благочестивыми, велятъ принимать всю святую церковную: не сквернить-де васъ сіе, дѣтушки, — дабы удобнѣе вамъ утѣхъ отъ міра вѣру и тайны свои, — иногда-де и изъ ослей главы истекаетъ вода сладка (т. е. изъ устъ православныхъ священниковъ не противныхъ сѣтантамъ истины)“. Примѣняя къ себѣ слова Спасителя апостоламъ: вамъ дано есть вѣдати тайны царствія, прочимъ же въ притчахъ, да видяще не видятъ, слышаще не уразумѣютъ, а также принимая къ руководству для себя слова церковной молитвы предъ причащеніемъ: не бо врагомъ твоимъ тайну повѣмъ, — сѣтанты подъ страшными клятвами даютъ обѣщаніе не обнаруживать своихъ вѣрованій „предъ міромъ“. Они, потому, усерднѣе самихъ православныхъ посещаютъ храмъ и принимаютъ къ себѣ въ домъ священниковъ, говѣютъ иногда по четыре раза въ годъ, дѣлаютъ большія пожертвованія въ пользу церкви, золотятъ ихъ куполы, покупаютъ колокола и пр. Удивительно ли послѣ этого, что численность хлыстовъ опредѣлить даже приблизительно — нѣтъ возможности, если

даже раскольниковъ, открыто отдѣлившись отъ церкви, не могутъ доселѣ надлежащимъ образомъ исчислить?

2. Народная психологія, наука еще новая, только зарождающаяся на западѣ ⁽¹⁾, а у насъ пока еще вовсе неизвѣстная, должна съ теченіемъ времени выяснить причины такой живучести и такого усиленія этой странной секты въ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что то направленіе религиознаго сознанія, какое представляетъ собою наша хлыстовщина, есть явленіе общенсторическое: иконотизмъ, Александрий и Сирин, евхиты, манихей и богомилы, бичующіеся и пляшущіе, квакеры и ирвингиты—все это явленія, родственныя нашей хлыстовщинѣ; мы указали выше въ хлыстовщинѣ нѣкоторыя черты сходства или даже тождества съ этими сектами, а дальнейшее, болѣе обстоятельное изученіе нашей секты, по тѣмъ матеріаламъ, какими, будемъ надѣяться, г. Мельниковъ не откажется подѣлиться съ публикой, покажетъ намъ и новыя черты такого сходства или тождества. Но съ другой стороны то или другое психическое настроеніе, въ которомъ беретъ свое начало каждое ученіе, каждая секта, существенно обуславливается складомъ духовныхъ силъ извѣстнаго племени и народа, національнымъ темпераментомъ, историческими и бытовыми условіями жизни.... Г. Добротворскій думаетъ, что секта Людей Божіихъ „вовсе не сродна съ направленіемъ умовъ русскихъ простолюдиновъ“ (стр. 26), что „основатели секты, привязанные къ внѣшности и неспособные къ мистическимъ тонкостямъ, заняли свое ученіе отъ западныхъ еретиковъ“ (стр. 24)... Намъ

(1) Благодаря трудамъ Штейнтала (ученикъ Гумбольдта), съ 1859 г. предпринимающаго специальное изданіе: *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*.

кажется, что народная психологія у нас сдѣлала пока еще слишкомъ мало (!), „направленіе умовъ русскихъ простолюдиновъ“, складъ ихъ духовныхъ силъ выяснены далеко не настолько, чтобы можно было говорить такъ категорически. Въ настоящемъ случаѣ нельзя рассуждать а priori, нужно выходить изъ фактовъ; а такой фактъ, какъ выше — двухъѣздовое (но меньшей мѣрт) существованіе секты, ея живучесть и постепенное усиленіе по всему пространству обширной русской земли, не смотря на условія существованія самыя неблагоприятныя, едва ли можетъ служить подтвержденіемъ мнѣнія г. Добротворскаго, а скорѣе указываетъ на тѣсную органическую связь секты съ складомъ духовныхъ силъ русскаго простолюдина, съ нашимъ народнымъ характеромъ, наконецъ съ историческими и бытовыми условіями русской жизни. Что касается до привязанности русскаго простолюдина къ вѣщности, къ обрядности, то хлыстовщина — не молоканство, вовсе отрицающее вѣщный богослужебный культъ; мы видѣли, что кромѣ многочисленныхъ и сложныхъ обрядовъ, измышленныхъ самими сектантами, хлысты не чужды нѣкоторыхъ обрядовъ церкви и пародируютъ ихъ на своихъ радѣньяхъ. Наконецъ утонченныя разсужденія Радаева, не лишены остроумія и софистической изворотливости, равно какъ „видѣнія“ Аввакума Коннылова и другихъ сектантовъ, и вовсе не доказываютъ „неспособности простолюдина къ мистическимъ тонкостямъ“. Мы еще согласились бы съ г. Добротворскимъ, если бы онъ отнесъ свое замѣчаніе

(!) Нѣсколько данныхъ и соображеній изъ области этой науки мы находимъ въ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Данилевскаго: „Россія и Европа“ (въ журналѣ „Заря“), а также въ статьѣ И. В. Кирѣевскаго: „О характерѣ просвѣщенія западной Европы“. Вообще у насъ честь почина въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ славянофиламъ.

къ сектамъ рационалистическаго характера: онѣ дѣйствительно если и появлялись на Руси, то имѣли успѣхъ лишь временный (надеждующіе); если и существуютъ въ ней въ настоящее время (молодое и дукхоборцы), то численность ихъ далеко не такъ значительна, какъ численность хлыстовъ. Русскій человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ чувства, а въ преобладаніи чувства надъ мыслию, ощущенія надъ рефлексомъ и содержится источникъ мистицизма и мистической экзальтаціи, характеризующей хлыстовщину.

Вліяніе историческихъ и бытовыхъ условий жизни русскаго простолюдина такъ замѣтно отразилось въ ученіи и вѣрованіяхъ хлыстовъ. При рѣшительномъ отсутствіи всякой свободы и самобытности въ жизни гражданской и общественной, нашему простолюдину естественно было пытаться вознаградить себя самобытностью въ жизни духовной, самодѣятельностію въ области мысли и чувства, и чѣмъ меньше было у него свободы въ жизни внешней, тѣмъ болѣе онъ долженъ былъ обнаружить смѣлости въ неподдающейся завѣданію извнѣ области внутренняго убѣжденія. Въ крайностяхъ и абсурдахъ хлыстовскаго ученія очевидно сказалась страстность раздраженія наболѣвшаго чувства, не оставляющая мѣста основному разсужденію, которое бы могло во время предѣла мистическому порыву и не допустило бы мужина сознанію своего челоѣческаго достоинства довасти до самообожанія. При низкомъ и тяжеломъ общественномъ положеніи простолюдину отраднѣе утѣшать себя примѣненіемъ къ себѣ словъ Спасителя, что нищихъ и худородныхъ міра избралъ Богъ, чтобы посрамить крѣпкихъ, что Богъ утаилъ свою бо-

общественную истину, отъ премудрыхъ и разумныхъ и
отъ глупыхъ и младенцевъ.

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики!
Ужь какъ эти мужики
Словно съ медомъ бураки...
Ужь какъ въ этихъ мужикахъ
Самъ Господь Богъ обитаетъ...

Такъ поютъ хлысты. Весь энтузіазмъ, все то гау-
бокое чувство, какия мы находимъ въ хлыстовскихъ пѣс-
няхъ и какия ставятъ эти пѣсни, по нашему мнѣнію,
выше всѣхъ другихъ видовъ народной лирики, возни-
кають изъ убѣжденія, съ такою простодушною наготою
выраженного въ этомъ не большомъ отрывкѣ. Вотъ
почему мы думаемъ, что съ отрицаніемъ крѣпостнаго права,
вообще съ улучшеніемъ общественнаго положенія
крестьянина, особенно же съ успѣхами образованности
въ средѣ крестьянъ, хлыстовщина, какъ и другія секты,
почерпающія свою живучесть въ тяжеломъ положеніи и
невѣжествѣ нашего простаго народа, должны все болѣе
и болѣе ослабѣвать. Не даромъ въ послѣднее время
у хлыстовъ уже перестали являться христы, и началь-
ники хлыстовскихъ общинъ именуютъ себя уже только
пророками или даже просто — кормщиками кораблей;
не даромъ ученіе Радаева уже чуждо крайностей уче-
нія Суслова, а ученіе Аввакума Копылова еще мягче и
менѣ враждебно ученію церкви.

Въ социальныхъ условіяхъ жизни нашего простолю-
дина находятъ себѣ объясненіе и тотъ гностическій ас-
кетизмъ, какой, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, въ уче-
ніи, если не въ практикѣ, составляетъ одно изъ болѣе
выдающихся характеристическихъ отличій хлыстовщины.
Исторія воспитала въ русскомъ человѣкѣ особенную

наклонность къ аскетизму. Припомнимъ чрезвычайное развитіе у насъ монашества, въ первую, допетровскую половину нашей исторіи, припомнимъ исторію образованія мнимо-монастырскихъ раскольниковскихъ обществъ и скитовъ — олонецкихъ, иргизскихъ и другихъ — это упорное отрицаніе брачнаго принципа раскольниками въ теченіе столѣтій, и намъ станетъ нѣсколько понятною подобная же наклонность въ хлыстовщинѣ. Историческія судьбы нашего простолюдина были таковы, что мало оставляли ему возможности думать о наслажденіяхъ и радостяхъ брачной жизни. Они отнюдь не способствовали развитію въ немъ привязанности къ благамъ земной жизни вообще и оставили лишь одну: гадать о блаженствѣ въ жизни загробной.

Но вотъ среди тяжелаго и малопродуктивнаго труда, среди нужды и злополучій крѣпостнаго быта выпадаютъ для простолюдина дни отрады и покоя — праздники. Въ то время, какъ „мірской“ человекъ предается безобразіямъ пьянаго разгула, хлысть тайкомъ отправляется въ „божій домъ“, въ „сіонскую гору“

На святомъ кругу гулять,
Бога-свѣта прославить,
Въ золоту трубу играть,
Въ живогласну возглашать,

переживать наслажденія сильныхъ физическихъ ощущений и мистическаго экстаза въ „банѣ духовной“, пить „пиво (1) духовное“:

(1) Подъ пивомъ духовнымъ, на языкѣ сектантовъ, разумѣются пѣсни и рѣчи пророковъ на радѣньяхъ. Слушая эти восторженные рѣчи, сопровождаемыя нерѣдко слезами, Андреяновъ переживаетъ самъ такіе ощущенія, такое душевное состояніе, которое действительно можно назвать „упоеніемъ“. Рѣчи пророчицы Устины, по его словамъ, не только его, но и „всѣхъ присутствовавшихъ приводили въ умиленіе и слезы“ (см. Ист. минист. внутр. дѣлъ, т. VIII, стр. 265).

Варишь невзвучко-то Богъ,
Затиралъ Святой Духъ,
Сама матушка сливала,
Вкупѣ съ Богомъ пребывала;
Святы ангелы носили,
Херувимы разносили...

Это „потѣнье въ банѣ духовной“ заканчивается иногда, какъ мы видѣли, свальнымъ грѣхомъ — явленіе, по-видимому, противорѣчащее той аскетической проповѣди, которую слышитъ хлысть на томъ же радѣннѣ. Но въ то время, какъ „мірской“ простолюдинъ, позволяющій себѣ подобный грѣхъ послѣ плинскотъ и пѣсанъ на по-сидѣлкахъ, спокойно совершаетъ его, какъ завѣдомый грѣхъ, нисколько не стѣсняясь запрещеніями своего исповѣданія, — а раскольникъ-еодосѣвецъ въ подобномъ случаѣ вступаетъ въ сдѣлку съ своею совѣстію, придумывая казуистическое оправданіе грѣха („не согрѣшишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься“) хлысть, согласно съ своими религіозными убѣжденіями въ томъ, что для другихъ составляетъ грѣхъ, видитъ дѣло религіознаго культа, „любовь Христову“. Въ порывахъ грубой чувственности, пробуждающихся съ особенною силою, вслѣдствіе бѣганія и прыганья, одновременно съ порывами мистическаго экстаза, хлысть, лишенный руководства св. Церкви, не въ состояніи усмотрѣть *ниъ закола, противополоюща закоу ума*; онъ отождествляетъ одно съ другимъ, порывъ грубаго инстинкта съ мистическимъ экстазомъ, и тотъ и другой возводитъ къ одному источнику. Для него тутъ нѣтъ насилія совѣсти, хотя, конечно, съ православной точки зрѣнія такое кощунственное извращеніе истины есть величайшая дерзость, до какой только можетъ дойти человѣкъ.

3. По вопросу о происхождении секты и времени появления ея на Руси мы встречаемся съ двумя противоположными воззрѣніями. Г. Добротворскій относитъ начало секты къ первой половинѣ XVII вѣка, къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, когда „умные люди“, по выраженію одной хлыстовской иѣсни, пораженные оскудѣніемъ въ міръ чистоты и благочестія, собрались на святое мѣсто и своими молитвами созвали съ неба на землю Господа Саваоа, въ лицѣ крестьянина Даниила Филипова, который, даровавъ имъ Сына Своего, Христа, въ лицѣ Суслова, вознесся на небо. По мнѣнію г. Мельникова, секта людей Божіихъ перешла къ намъ изъ Греціи, чрезъ Болгарію, и занесена вмѣстѣ съ христіанствомъ еще при св. Владимірѣ, болгарскими священниками; хлыстовщина, по мнѣнію г. Мельникова, есть тоже богомилство или павликѣанство, которое въ свою очередь было ничѣмъ инымъ, какъ видоизмѣненіемъ манихейства, древнѣйшей изъ христіанскихъ сектъ востока, образовавшейся изъ смѣшенія христіанскихъ понятій съ ученіемъ Зердушта или Зороастра и проч. (1). Есть еще третье мнѣніе, по которому хлыстовщина произошла изъ смѣшенія ереси Бахшна и Косого съ ученіемъ квакеровъ, или же явилась какъ и непосредственное порожденіе проповѣди квакерства на самой невѣжественной почвѣ русскаго народа, не развитой раціонализмомъ (2). Всѣ же во-

(1) Мнѣніе Мельникова вполне раздѣляетъ извѣстный своими этнографическими трудами („Годъ на сѣверѣ“, „На востоцѣ“ и пр.) г. Максимовъ („За Кавказомъ“, Отеч. Зап. 1867 г., стр. 500—521).

(2) Ливановъ, въ статьѣ: „Раціонализмъ русскихъ сектантовъ“ (Всем. Трудъ 1868 г., февраль, стр. 49). Онъ пытается отыскать связь между Данииломъ Филиповымъ и Кульманомъ, котораго преосв. Филаретъ прямо называетъ квакеромъ (Ист. Рос. Церк., пер. 4).

обще изслѣдователи согласны въ томъ, что хлыстовщина есть продуктъ чуждой намъ исторіи, цѣликомъ, искусственно, пересаженный на русскую почву, и отнюдь не хотѣтъ допустить, чтобы хлыстовщина была мѣстнымъ произведеніемъ русской національности, нашимъ доморожденнымъ дѣтищемъ. Намъ кажется, что прямую генетическую связь хлыстовщины съ тѣмъ или другимъ иновѣрнымъ ученіемъ доказать весьма трудно; самая множественность доктринъ, съ которыми соприкасается хлыстовщина въ частностяхъ своего ученія, доказываетъ, что оно не было простымъ повтореніемъ съ чуждаго голоса ученія одной какой либо секты. При сходствѣ или тождествѣ многихъ частностей хлыстовскаго ученія съ ученіями сектъ востока или запада, въ основной своей доктринѣ — о многократныхъ воплощеніяхъ Сына Божія наша секта вполне самобытна. Точно также трудно доказать, что сходство или даже тождество частностей хлыстовскаго ученія съ ученіями западными было слѣдствіемъ прямого заимствованія изъ этихъ послѣднихъ. Ближе всѣхъ наша секта къ богомилству, какъ это доказываютъ выписки изъ слова пресвитера Космы изъ богомилловъ ⁽¹⁾, но соображенія г. Мельникова о заимствованіи хлыстами своего ученія отъ болгарскихъ священниковъ страдаютъ натяжностью и едва-ли выдержать строгую критику. Больше значенія въ смыслъ мнѣнія г. Мельникова имѣютъ нѣкоторые факты, приводимые г. Добретворскимъ, который, впрочемъ, приводитъ ихъ отнюдь не имѣя намѣренія доказывать мнѣніе г. Мельникова: такъ, по словамъ св.

(1) Г. Мельниковъ приводитъ выдержки изъ слова Космы по отрывку, напечатанному въ книгѣ Ружева: „О ересяхъ и расколахъ“. Онъ повидимому не знаетъ, что *esse* слово, въ болѣе исправной редакціи, напечатано въ Правосл. Соборѣ за 1864 годъ.

Дмитрія Ростовскаго въ розсѣвъ, о Сусловѣ говорили, что онъ родомъ турченинъ, очевидно на томъ основаніи, что Сусловъ былъ, какъ и его преемникъ Дупинъ, бывшій солдатъ и оба они участвовали въ походахъ противъ Турціи, слѣдовательно были въ Волгаріи или вблизи ея и могли тамъ познакомиться съ остатками богомилства. Затѣмъ г. Добротворскій приводитъ показаніе одной хлыстовской богородицы, записанное священникомъ Визерскимъ о томъ, что „секта хлыстовъ происходитъ отъ запороженныхъ казаковъ, бѣжавшихъ въ турецкія владѣнія (Некрасовцово)“. Тамъ они имѣютъ главнаго настоятеля секты, въ видѣ христа“ (1) и проч. Но указывая воъ эти факты, г. Добротворскій тѣмъ не менѣе не пришелъ къ мнѣнію о тождествѣ хлыстовщины съ богомилствомъ, а находитъ все-таки возможнымъ заключать о происхожденіи нашей секты съ запада, изъ Польши и Силезіи. Главнымъ же образомъ г. Добротворскій видитъ тождество нашей секты людей Божіихъ съ Авиньонскимъ братствомъ народа Божія или новаго израиля, основаннымъ въ Петербургѣ извѣстнымъ искателемъ приключеній въ Россіи, въ царствованіе Екатерины II, полякомъ Грабленкой и потомъ съ масонствомъ, которое, какъ извѣстно въ концѣ прошедшаго и началѣ нынѣшняго столѣтія имѣло большой успѣхъ въ Россіи. Въ подтвержденіе своего мнѣнія г. Добротворскій находитъ достаточнымъ привести двѣ три мысли изъ масонскихъ сочиненій и указываетъ на то, что Радаевъ ссылался въ оправданіе своихъ мнѣній, на сочиненія г-жи Гіонъ...

(1) Эта секта находитъ себя подтвержденіе въ разсказахъ г. Кельсіева („Русскіе двоештрм“, Отеч. Зап. 1867 г.), который въ настоящемъ случаѣ имѣетъ нѣкоторый авторитетъ, какъ человекъ, собиравшій свои свѣдѣнія на мѣстѣ, въ Турціи.

Что касается до авиньонскаго братства, то достаточно прочитать статью г. Домгинова, на которую ссылается г. Добровольскій (1), чтобы видѣть, что затѣя Грабіемки имѣла чисто-политическій характеръ, только прикрытый мистической доктриной, которая впрочемъ далеко не тождественна съ ученіемъ хлыстовъ. Ссылка Радаева на „евангеліе“ г. Пюнь, какъ и вообще большое употребленіе въ средѣ хлыстовъ сочиненій мистической литературы (сочиненій Экартсгаузена, Штиллинга и друг.) (2), доказываетъ только то, что хлысты искали подтвержденія своего ученія вездѣ, гдѣ могли, что въ мистицизмъ начала нынѣшняго столѣтія они видѣли одно изъ слабыхъ проявленій „истиннаго вѣдѣнія“, открываемаго въ полной мѣрѣ духомъ Божиимъ собственно хлыстамъ. Не говоря уже о томъ, что масонство появилось у насъ значительно позже хлыстовщины, — ни хлыстовскихъ христовъ, ни радѣій, ничего подобнаго этимъ двумъ кореннымъ отличіямъ хлыстовщины не было въ масонствѣ. Масонство — беретъ свое начало совершенно въ другомъ источникѣ, нежели хлыстовщина, — оно не религіозная доктрина, а мистико-философская, отчасти политическая (розенкрейцерство) ученіе... Точно также хлыстовщина не есть квакерство, какъ оно не есть богомилство и масонство. Съ квакерствомъ еще чаще отождествляли хлыстовщину чѣмъ съ богомилствомъ и масонствомъ (3), на томъ основаніи, что Яковъ Барлей основалъ квакерство въ Англіи, а Анна Лей возставала противъ браковъ — въ то самое

(1) „Одинъ изъ магиковъ XVIII-го вѣка“, Руск. Вѣстн. 1860 г., № 16.

(2) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ Варадинова, стр. 545—549. Членовникамъ-сѣдователямъ не разъ случалось находить у хлыстовъ толкованіе на Апокалипсисъ г. Пюнь и другія мистическія сочиненія.

(3) См. VIII-й т. Ист. минист. внутр. дѣлъ, стр. 549—550.

время, какъ Пронкій Дупинъ проповѣдывалъ у насъ хлыстовщину. Но во всемъ остальномъ, кромѣ обрядовъ, наша хлыстовщина столь же существенно отличается и отъ кванерства, какъ отъ богомилства и маонства.

Съ своей стороны допуская, что хлыстовщина есть повтореніе на русской почвѣ явленія общенсторическаго, такъ какъ въ ея ученіи есть много аналогическаго или даже тождественнаго съ ученіемъ сектъ грено-болгарскихъ и западно-европейскихъ, мы однако хотимъ думать, что это общенсторическое явленіе возникло у насъ въ началѣ вполне самобытно, возникло изъ повторенія тѣхъ общихъ условий, какимы обязаны своимъ происхожденіемъ подобныя секты на западѣ и въ Болгаріи, внѣ всякой прямой исторической и генетической связи съ этими послѣдними. Близкая аналогія нашей секты, то съ тою, то съ другою изъ сектъ западныхъ и болгарскихъ указываетъ лишь на общій источникъ тѣхъ и другихъ ученій, который содержится въ одинаковыхъ для всѣхъ людей законахъ челоѣческаго духа, въ ихъ неправильномъ одностороннемъ развитіи. Г. Мельниковъ указываетъ на обстоятельство, въ высшей степени важное въ настоящемъ случаѣ, которому самъ онъ, впрочемъ, не придаетъ должнаго значенія. Это — близкія отношенія основателя хлыстовщины Давида Филиппова съ нѣкимъ чернцомъ Капитономъ (по имени котораго хлысты долгое время, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и до селѣ назывались капитонами), о которомъ отнюдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ въ сношеніяхъ съ кѣмъ либо изъ западныхъ сектантовъ-мистиковъ. Этотъ Капитонъ, котораго наши изслѣдователи несправедливо приурочиваютъ къ расколу старо-

обрядства (1), удалившись изъ монастыря, въ которомъ жилъ сначала, училъ, будто ни Церковь, ни таинства не нужны для спасенія, что для этого достаточно одной молитвы и другихъ личныхъ подвиговъ богоутожденія, а всякое внѣшнее содѣйствіе въ жизни духовной излишне, прежде же всего нужно умерщвленіе плоти посредствомъ строгаго поста и другихъ аскетическихъ подвиговъ. Отъ этого гордаго отрицанія необходимости всякой свѣшеестественной помощи въ дѣлѣ спасенія до хлыстовскаго самообожанія, до хлыстовщины — одинъ шагъ. Этотъ шагъ сдѣлалъ ученикъ Капитона — Данила Филиповъ. Замѣчательно, что другой ученикъ Капитона Подрѣшетниковъ первый установилъ обрядъ причащенія — изюмомъ, который впоследствии мы не разъ встрѣчаемъ въ исторіи хлыстовщины. Подобно тому какъ у современныхъ хлыстовъ (въ нѣкоторыхъ корабляхъ) на годовомъ радѣньи, во время цѣнія пѣсень въ честь „матушки сырой земли“, выходитъ изъ подполья богородица, неся на головѣ нашку съ изюмомъ или другими сладкими ягодами и причащаетъ ими присутствующихъ (2), у подрѣшетниковъ „избираема была дѣвица, которая наряжалась въ цвѣтное платье и скрывалась въ подполѣ избы, и чрезъ нѣсколько времени... выходила изъ подполья, неся на головѣ рѣшето, наполненное изюмомъ и покрытое чистымъ платомъ и, про-

(1) Первые свидѣнія о Капитонѣ сообщаетъ тобольскій митрополитъ Игнатій, въ своемъ 3-мъ посланіи (см. Прав. Соборы. 1858 г.). Что Капитонъ не былъ расколуучитель-старобрядецъ, какъ Авакумъ и др., это видно уже изъ того, что онъ проповѣдывалъ свое ученіе еще въ царствованіе Михаила Федоровича, когда о расколѣ не было и рѣчи. Преосв. Игнатій говоритъ о немъ въ своемъ посланіи потому, что предположилъ обозрѣть всѣ ереси и секты на Руси, въ томъ числѣ и расколъ старообрядства.

(2) Русск. Вѣстн., 1869 г. мартъ, стр. 381.

износя слова по подобію іерейскому: всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ, причащала ихъ, раздавая ягоды" (1). Этотъ видъ причащенія при Лупкинѣ былъ замѣненъ причащеніемъ хлѣбомъ и квасомъ. При Лупкинѣ же и Андрей Петровъ мы видимъ въ первый разъ хлыстовскія радѣнья въ видѣ верченья, скаканья, что подало поводъ тогдашней слѣдственной комиссіи отождествить секту съ квакерствомъ. Но на заимствование нашими сектантами этихъ обрядовъ отъ квакеровъ или отъ средневѣковыхъ бичующихся нѣтъ ни малѣйшихъ историческихъ указаній... Уже въ позднѣйшее время, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ эпоху непомѣрнаго развитія мистицизма въ Россіи въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, въ лицѣ своихъ членовъ изъ высшаго общества (хлысты михайловскаго замка), хлыстовщина приходитъ въ соприкосновеніе и съ квакерствомъ и съ масонствомъ; и, нѣтъ сомнѣнія, испытала на себѣ вліяніе этихъ сектъ, оставаясь, по прежнему, вѣрною своей, самобытно измышленной, основной доктринѣ, и только послѣ этаго она получаетъ тотъ распространенный видъ, въ какомъ мы находимъ ее въ ученіи Радаева и Копылова.

Высказывая въ своей запискѣ постоянное негодованіе на безобразіе хлыстовскаго ученія, Сергѣевъ упоминаетъ и о нѣкоторыхъ добрыхъ свойствахъ хлыстовъ. „Они между собою очень дружелюбны, говорятъ онъ; хотя и бываютъ между ними ссоры, но небольшія и скоро прекращаются миромъ... Любятъ ходить опрятно, а достаточные и щеголяютъ. Брадобритіемъ и лѣмечнымъ платьемъ не гнушаются. Между ними не встрѣчается пьянства, такъ какъ употре-

(1) Исторія раск. преосв. Макарія, стр. 244—245.

бленіе спиртных напитков запрещено еще Даниилом Филиповым". Большинство хлыстовских пророковъ обладаютъ значительною начитанностію въ св. писаніи и церковныхъ книгахъ и вообще вражды противъ книжнаго образованія, которую будто бы проповѣдывалъ Данила Филиповъ, между современными хлыстами не замѣчается; напротивъ Аввакуму Копылову, христу тамбовскихъ хлыстовъ, когда онъ былъ на седьмомъ небѣ, Богъ велѣлъ „доходить по книгамъ“ о томъ, что есть грѣхъ, и что спасеніе... Радаевъ же знакомъ не только съ св. писаніемъ и аскетическими твореніями отцовъ Церкви и церковныхъ писателей, но и съ произведеніями свѣтской мистической литературы.

Будемъ надѣяться, мм. гг., что съ успѣхами народнаго образованія, для котораго такъ много дѣлается въ настоящее время, народъ нашъ все болѣе и болѣе будетъ выражать истину православія, что съ улучшеніемъ общественнаго положенія и матеріальнаго быта нашего духовенства, о чемъ такъ усиленно заботится въ последнее время наше правительство, оно приобрететъ болѣе нравственной силы въ народѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе способовъ для обращенія заблуждающихся на путь истины и для успѣшной духовной борьбы со всѣми заблужденіями, существующими въ нашемъ народѣ, богатое религіозное чувство котораго питается такою недостойною пищей. Такого рода борьба единственное средство противъ сектантства. Г. Мельниковъ взываетъ къ полицейскому преслѣдованію и настаиваетъ на истребленіи хлыстовщины — правительственными мѣрами. Мы не считаемъ себя въ правѣ въ настоящемъ случаѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса: насколько — дѣло науки и литературы предрѣшать по-

добрымъ образомъ дѣйствія администраціи; но намъ кажется, что исторія раскола, за все время его существованія, достаточно доказываетъ, что полицейскія мѣры способны лишь разжечь фанатизмъ сектантовъ, отнюдь не принося пользы дѣлу истины. Намъ кажется, что наука сдѣлаетъ все свое дѣло, если познакомить съ сектой, съ сущностью и подробностями ея ученія и т. п. „Обстоятельныя свѣдѣнія о какомъ-нибудь таинномъ ученіи, справедливо говоритъ г. Добротворскій, служатъ лучшимъ началомъ въ обличенію ихъ несостоятельности. Въ древности возникали въ средѣ христіанства секты, сильныя софистическою діалектикою, умомъ и энергіей своихъ представителей; но, обсуживаемыя всенародно, онѣ исчезали съ изумительною быстротою... Особенно распространяется секта, если, скрывая въ тайнѣ сущность ея ученія, въ тоже время открыто вооружаются противъ нея не мѣрами убѣжденія, а полицейскими: есть, должно быть, думаетъ народъ, какая-нибудь опасность для вѣры въ ихъ ученіи; есть, значитъ, какая-нибудь несостоятельность въ православной Церкви, если она защищается противъ какихъ-то невѣдомыхъ еретиковъ силою свѣтской власти. А между тѣмъ ни опасности для православной вѣры, сильной своею истиною, ни опасности для Церкви, которой неодоляютъ врата адовы, не представляютъ тайныя секты... Вся тайна успѣха ихъ въ тайнѣ... Приподнимите завѣсу предъ глазами народа и секты потеряютъ свою таинственную прелесть“.

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES

0021054355

